Ю. Стекловъ.

СОВРЕМЕННЫЙ
Литературный Распадъ,
ЕГО ХАРАКТЕРЪ И ПРИЧИНЫ.

СПБ.
Кн-во „ЗЕРНО“.
1908.

Steklov, Iurii Mikhailovich

Ю. Стекловъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСПАДЪ,

ЕГО ХАРАКТЕРЪ И ПРИЧИНЫ.

СПБ.
Кн-во „ЗЕРНО“.
1908.

Типографія „ПРАВДА“, Владимірская 19.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наблюдаемыя въ настоящее время литературныя уродливости, подобно прочимъ явленіямъ нашего непосвященнаго міра, имѣютъ свое „достаточное основаніе“ и объясняются опредѣленными сторонами современной соціально-политической эволюціи. Правда, литературная богема, задающая тонъ какъ въ салонахъ, такъ и на задворкахъ новѣйшей словесности, горделиво мнитъ себя превыше всѣхъ историческихъ законовъ; она воображаетъ, что шумъ, поднятый модернистами и упадочниками всяческихъ толковъ, объясняется „бунтомъ духа“, свободно возставшаго противъ традицій и условностей старыхъ художественныхъ школъ. Но еще Спиноза замѣтилъ, что еслибы камень, пущенный человѣческой рукой, способенъ былъ разсуждать, то онъ непремѣнно рѣшилъ бы, что летитъ по собственной волѣ. Такъ и современные новаторы, гордые рыцари и аристократы духа, представляютъ безвольный продуктъ современнаго буржуазнаго общества; имъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ кому бы то ни было, можно сказать: „du glaubst zu schieben, und du bist geschoben!“

Глава I.

Характеръ капиталистическаго общества.—Ускоренный темпъ жизни.—Война всѣхъ противъ всѣхъ.—Положеніе мелкой буржуазіи и либеральныхъ профессій. — Натурализмъ и нана-турализмъ. — Символисты.—Аморализмъ.—Индивидуализмъ и аристократизмъ. — Реакція противъ демократіи и свободомыслія.—Мистицизмъ и его связь съ эротоманіей.—Сатанисты.—Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Малларме, Гаита, Гюисмансъ.

Современное капиталистическое общество характеризуется быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній. Необузданная конкурренція, лихорадочная смѣна формъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, гибель неприспособленныхъ и неудачниковъ, жадное стремленіе спастись отъ несущейся впередъ колесницы капиталистическаго Джаггернаута, выбиться въ люди, отвоевать себѣ теплое мѣстечко за пиршественнымъ столомъ жизни — таковы характерныя черты этого общества. Наряду съ возросшимъ рискомъ существованія жизнь страшно обогатилась и усложнилась. Возникли и сложились новыя потребности, и выработаны различные способы ихъ удовлетворенія. Возражая оптимистамъ, указывавшимъ на улучшеніе положенія современнаго рабочаго сравнительно съ прошлымъ, Лассаль вѣрно замѣтилъ, что какой-нибудь африканскій царекъ обходится, быть можетъ, безъ куска мыла; для рабочаго же культурной страны мыло сдѣлалось предметомъ первой необходимости. И такихъ насущныхъ потребностей у цивилизованнаго человѣка расплодилось теперь столько, что существованіе его, какъ физическое, такъ и духовное, чрезвычайно обогатилось; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходится затрачивать гораздо больше силъ для ихъ удовлетворенія, а расходъ нервной энергіи неизмѣримо возросъ.

Изолированность человѣка, составлявшая характерный признакъ патріархальнаго уклада, такъ называемаго „добраго стараго времени“, давно уже отошла въ область преданій. Въ настоящее время отдѣльная личность связана матеріальными и идейными узами не только со своей націей, но и со всѣмъ человѣчествомъ. Желѣзныя дороги и телеграфъ дѣйствительно стремятся сдѣлать человѣка гражданиномъ всего міра, и мы быстрыми шагами приближаемся къ тому времени, когда каждый членъ цивилизованнаго государства вправѣ будетъ сказать: „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“. Просыпаясь утромъ и просматривая газету, цивилизованный человѣкъ пріобщается къ жизни чуть ли не всего земного шара; онъ читаетъ про дебаты русской Государственной Думы, прусскаго ландтага и французской палаты депутатовъ; узнаетъ про событія, имѣвшія вчера мѣсто во всѣхъ концахъ земли: сраженіе въ Марокко, крахъ сѣверо-американскихъ банковъ, послѣднюю рѣчь Жореса, послѣдній тостъ Вильгельма II, землетрясеніе на югѣ Италіи, драку въ венгерскомъ парламентѣ, сенсаціонное убійство въ Парижѣ, курсъ процентныхъ бумагъ на главныхъ европейскихъ биржахъ, виды на урожай въ Аргентинѣ, катастрофу въ Новой Зеландіи и т. д., и т. д.: все это онъ воспринимаетъ и на все это ему приходится реагировать, по крайней мѣрѣ, посредствомъ чисто душевныхъ эмоцій. Безъ преувеличенія можно сказать, что современный человѣкъ ежедневно получаетъ гораздо больше впечатлѣній и имѣетъ болѣе широкій кругъ общественныхъ и политическихъ интересовъ, чѣмъ повелитель обширной территоріи въ древности или въ средніе вѣка.

Въ 1845 г. въ Европѣ было всего 9.159 километровъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1906 г. свыше 325 тысячъ килом.; въ

томъ же году въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлось около 350 тыс. кил. рельсовыхъ путей и въ Канадѣ около 30 тыс. Пассажировъ было перевезено въ 1892 г. по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ свыше 2.247 милліоновъ; при тогдашнемъ населеніи Европы въ 365 милл. это составляетъ на каждаго жителя по 6 съ лишнимъ переѣздовъ въ годъ, а вѣдь слѣдуетъ принять во вниманіе, что пассажирское движеніе сильнѣе всего въ старыхъ культурныхъ и промышленныхъ странахъ, задающихъ тонъ въ области искусства (въ Германіи свыше 500 милл. пассажировъ, во Франціи 305, Великобританіи 865, въ маленькой Бельгіи 88 милл.), и что передвигается-то главнымъ образомъ городское населеніе, то самое, изъ среды котораго преимущественно и вербуются какъ читатели, такъ и пишущая братія. Вдобавокъ процентъ этого городского населенія, особенно интенсивно испытывающаго на себѣ дѣйствіе капиталистическаго развитія, прогрессивно растетъ. Далѣе; въ 1905 г. было переслано писемъ въ Германіи 3.152 милліона, во Франціи 1.020 милл., въ Великобританіи 3.359 милл., въ Австро-Венгріи 1.273 милл., а во всей Европѣ больше 11 милліардовъ! Къ этому присоединяется еще дѣйствіе телеграфной и телефонной сѣти, волнующей и раздражающей нервы современнаго культурнаго человѣка. Но мы не станемъ приводить больше цифръ, чтобы не утомлять читателя.

Жизнь цивилизованнаго человѣка протекаетъ при обстановкѣ, менѣе всего благопріятной для физическаго здоровья и душевнаго равновѣсія. Нездоровая атмосфера комнатъ, насыщенная газомъ и керосиномъ, сидячій образъ жизни, недостатокъ солнечнаго свѣта и чистаго воздуха, медленное отравленіе фальсифицированными съѣстными продуктами, нервное потрясеніе, вызываемое современными способами передвиженія,

шумъ, гамъ, трезвонъ на улицахъ, переполненныхъ бѣшено снующими по всѣмъ сторонамъ экипажами, трамваями, моторами и лихорадочно спѣшащей толпой, нездоровый и несвоевременный отдыхъ, часто слишкомъ короткій для массы пережитыхъ за день и непереваренныхъ впечатлѣній,—вотъ при какихъ условіяхъ приходится въ настоящее время жить и работать современному горожанину.

Но этого мало. Къ дѣйствію перечисленныхъ, такъ сказать, механическихъ, физическихъ и культурно-техническихъ факторовъ присоединяется еще вліяніе факторовъ соціальныхъ.

Капиталистическое общество представляетъ гигантскую арену ожесточенной борьбы между отдѣльными личностями, группами, классами, націями и цѣлыми расами: въ желѣзной бронѣ или въ бархатныхъ перчаткахъ, здѣсь кипитъ вѣчная война не на животъ, а на смерть. Цѣлые народы безпощадно истребляются во славу капиталистическаго Молоха, цѣлыя цивилизаціи стираются съ лица земли, безжалостно приносятся въ жертву цѣлыя поколѣнія. Объ отдѣльныхъ жертвахъ нечего и говорить; онѣ не идутъ въ счетъ. Необузданная конкурренція, заставляющая напрягать всѣ силы и взвинчивающая до крайности нервы въ свирѣпой борьбѣ за существованіе, составляетъ основной законъ буржуазнаго общества. И надъ бездонной пропастью, въ которой копошатся поверженные борцы, возносится торжествующій хоръ побѣдителей на аренѣ экономической свалки. Впрочемъ, и побѣдителямъ приходится иной разъ страдать отъ въ общемъ выгоднаго имъ соціальнаго строя. Подъ жерновами капиталистической мельницы перемалываются какъ сами капиталисты, такъ и многочисленные бѣлые рабы капитала. При современныхъ условіяхъ ни одинъ рыцарь накопленія не застрахованъ отъ

разоренія, подчасъ самаго неожиданнаго и безсмысленнаго. Отдѣльная личность, безвольная и безсильная, безпомощно стоитъ передъ могучими и страшными въ своей слѣпой стихійности производительными силами новаго времени. Естественно развивается страхъ жизни, безсознательный ужасъ слабой человѣческой песчинки передъ гигантскимъ аппаратомъ усложнившейся дѣйствительности. Обострившаяся соціальная и политическая борьба усугубляетъ тяжесть положенія отдѣльной личности, особенно не принадлежащей къ классу, который самыми условіями своего существованія властно толкается къ единству и солидарности. Завоеванія демократіи и расширеніе избирательнаго права втянули широкія массы населенія, до тѣхъ поръ стоявшія въ сторонѣ отъ политической жизни, въ активную политическую борьбу со всѣми связанными съ нею треволненіями, азартомъ, страстнымъ увлеченіемъ, озлобленіемъ противъ соперниковъ и страхомъ пораженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась сперва слабая, а затѣмъ все болѣе ожесточенная, широкая и интенсивная борьба за новый соціальный укладъ, въ корнѣ подрывающій основные устои старой соціальной организаціи, борьба за соціальную революцію; въ эту великую борьбу, задѣвающую самые разнообразные интересы, посягающую на традиціонныя вѣрованія и міросозерцаніе, съ каждымъ днемъ втягиваются все новые и новые соціальные элементы, одни съ ужасомъ и негодованіемъ, другіе съ горячей надеждой ожидающіе наступленія общественнаго катаклизма. Отдаленные раскаты надвигающейся соціальной грозы еще усиливаютъ душевное смущеніе и растерянность людей, вышедшихъ изъ рядовъ буржуазіи и сжившихся съ ея психологіей. На этой почвѣ складываются различныя пессимистическія, идеалистическія и мистическія системы.

Безспорно, самой ужасной бѣдой въ современномъ обществѣ является полная неувѣренность массы въ завтрашнемъ днѣ. Еще старый Бабэфъ говорилъ, какъ о главномъ недостаткѣ общежитія, построеннаго на частной собственности, о „грызущемъ червѣ общаго, вѣчнаго и частнаго безпокойства каждаго изъ насъ относительно того, что ждетъ насъ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ, въ дни старости, относительно участи нашихъ дѣтей и внуковъ". И отъ этой бѣды, которая главной тяжестью ложится, конечно, на рабочій классъ, страдаетъ отнюдь не одинъ пролетаріатъ. Сильнымъ ударамъ подвергается въ капиталистическомъ обществѣ и мелкая буржуазія, и, быть можетъ, для нея, проникнутой горделивой спесью собственника и привыкшей къ почетному положенію въ обществѣ, эти удары еще чувствительнѣе, еще больнѣе бьютъ ее по нервамъ. Мелкую буржуазію со всѣхъ сторонъ бьютъ и биржа, и крупная фабрика, и гигантскіе базары большихъ городовъ, и рабочія кооперативы. Психика этого класса, до сихъ поръ составляющаго многочисленный и вліятельный элементъ среди европейскихъ націй, испытываетъ самыя жестокія и хроническія потрясенія. Толкаемый въ ряды пролетаріата, въ прямой ли формѣ, то есть въ видѣ потери орудій производства и превращенія въ наемныхъ рабочихъ, или въ скрытой формѣ, то есть въ смыслѣ утраты прежней хозяйственной самостоятельности и все большаго усиленія его зависимости отъ капитала, этотъ классъ мелкихъ производителей и торговцевъ утрачиваетъ свою былую жизнерадостность, свой прежній соціальный оптимизмъ, начинаетъ ворчать на прогрессъ и проникается все большимъ недовольствомъ, все растущимъ озлобленіемъ противъ новыхъ временъ и всѣхъ связанныхъ съ ними идеологическихъ формъ, доходя при этомъ до

идеализаціи даже средневѣковья. Естественнымъ удѣломъ приходящаго въ безнадежный упадокъ класса является мистицизмъ, страхъ передъ таинственными грозными силами, безъ его вѣдома и участія рѣшающими его судьбу, болѣзненное ожиданіе чуда, которое одно только и можетъ спасти его отъ неминуемой гибели,—будетъ ли эта чудесная сила называться реакціонной партіей, католической церковью или какъ нибудь иначе. Taedium vitae, болѣзненная впечатлительность, быстрый переходъ отъ отчаянія къ неосновательной вѣрѣ, страхъ жизни, нервность, озлобленный пессимизмъ, безнадежная унылость—таковы черты такого класса.

Не слѣдуетъ забывать, что изъ мелкобуржуазной среды главнымъ образомъ и вербуются представители либеральныхъ профессій, въ томъ числѣ и служители искусства. Чувствуя возросшую неустойчивость соціальнаго положенія и желая лучше вооружить своихъ дѣтей для предстоящей борьбы за существованіе, всякій мелкій лавочникъ, ремесленникъ, служащій или зажиточный крестьянинъ старается вывести своихъ сыновей въ люди и дать имъ образованіе. Въ результатѣ либеральныя профессіи переполняются, интеллигентный трудъ обезцѣнивается и „мыслящіе пролетаріи" запружаютъ рынокъ, на которомъ предлагаются продукты головной работы. Всѣ отрицательныя стороны господствующаго порядка ощущаются образованными людьми еще живѣе, чѣмъ ихъ отцами, благодаря повышенной впечатлительности, обусловленной умственнымъ развитіемъ и болѣе утонченной психикой; стремленіе къ комфорту и обезпеченному существованію, широкіе аппетиты—продуктъ знанія—не находятъ удовлетворенія. Въ результатѣ получаются безпокойная неуравновѣшенность, нервное раздраженіе, озлобленное отношеніе къ дѣйствительности, бунтъ про-

тивъ науки, не оправдавшей возлагавшихся на нее надеждъ, бунтъ противъ существующаго строя вообще. Но этотъ бунтъ имѣетъ характеръ серьезнаго соціальнаго возмущенія только у части интеллигенціи, съумѣвшей и пожелавшей понять основную причину общественнаго неустройства и связавшей свою судьбу съ судьбой класса-протестанта par excellence. У большинства же буржуазной интеллигенціи, не съумѣвшей отдѣлаться отъ мелко-буржуазныхъ предразсудковъ и сохранившей вѣрность идеологіи мѣщанства, этотъ бунтъ „гордаго духа" есть не болѣе, какъ злобный протестъ неудачниковъ, не отказавшихся отъ жаднаго стремленія не мытьемъ, такъ катаньемъ добиться жирнаго куска за столомъ жизни.

Для достиженія своихъ цѣлей литераторы и художники этого рода перенесли въ область искусства всѣ тѣ пріемы, которые они могли изучить за прилавкомъ у своихъ отцовъ. Въ мірѣ буржуазной коммерціи побѣда обыкновенно остается за тѣмъ ловкачемъ, которому удалось потрафить на вкусы толпы и пустить громкую рекламу. Нужды нѣтъ, что нелѣпость и несуразность пущенной счастливымъ портнымъ моды бьетъ въ носъ, что узоръ на ткани рѣжетъ глазъ своей безвкусицей и аляповатостью,—конечнымъ судьей и цѣнителемъ является масса потребителей, которая рѣшаетъ успѣхъ ходкаго товара. И вотъ натурализмъ, который вначалѣ явился здоровой реакціей реалистическаго чувства противъ вырождавшагося романтизма и мѣщанскаго сантиментализма, подъ вліяніемъ конкурренціи и въ погонѣ за сногсшибательной оригинальностью началъ превращаться въ „нана-турализмъ", въ тенденціозное и противорѣчащее художественной правдѣ нагроможденіе мерзостей и накипи буржуазныхъ альковов и черныхъ лѣстницъ. Эта литература лишь отчасти отвѣчала

назрѣвшей потребности въ безпощадной критикѣ отвратительныхъ пороковъ буржуазнаго общества; въ гораздо большей степени она шла навстрѣчу запросамъ разжирѣвшаго и пресыщеннаго мѣщанства, нуждавшагося въ сильныхъ впечатлѣніяхъ, способныхъ расшевелить его отекшіе члены и развеселить его заплывшую утробу. На всѣ разоблаченія его внутренней гнилости и испорченности, лицемѣрной и продажной любви, отравленныхъ въ корнѣ семейныхъ отношеній, нравственнаго пиратства и торговой нечестности, финансовыхъ хищеній и политическаго растлѣнія буржуазное общество, извиваясь въ сладострастныхъ корчахъ, какъ отъ пріятно раздражающей щекотки, отвѣчало истерическимъ воплемъ: „бей! любо!“ И романисты, сбывая по сходной цѣнѣ десятки и сотни тысячъ своихъ „человѣческихъ документовъ“, продолжали гнуть свою линію и бить по „обнаженнымъ нервамъ“ читателя; вынужденные въ силу извѣстнаго психо-физическаго закона, брать все болѣе визгливыя ноты для достиженія надлежащаго моральнаго эффекта, они все ускоряли свой стремительный бѣгъ съ вершинъ Парнаса въ грязные подвалы мѣщанскихъ лупанаровъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока книжный рынокъ не былъ забитъ зловоннымъ затторомъ нана-туралистическихъ писаній и пока пишущей братіи не пришлось „перемѣнить валъ“.

На смѣну натурализму шли съ громомъ и трескомъ модернисты, представители „новаго искусства“, охотники за скальпами или, говоря ихъ языкомъ, за „новой мозговой линіей“, всякіе демонисты, декаденты, символисты, импрессіонисты, мистики, идеалисты и упадочники вообще. При всемъ различіи ихъ шутовскихъ нарядовъ и ливрей, всѣхъ ихъ объединяло общее настроеніе мистическаго идеализма, выступав-

шаго съ знаменемъ протеста противъ философскаго матеріализма и художественнаго реализма. Несмотря на всѣ грѣхи натурализма, въ немъ заключалось здоровое и чреватое художественными результатами зерно: объективное изученіе дѣйствительности и безбоязненная критика, составляющая основной импульсъ прогресса. Этими сторонами онъ примыкалъ къ тому широкому и плодотворному реалистическому движенію, которое со второй половины XIX столѣтія начало проявляться во всѣхъ областяхъ жизни цивилизованныхъ народовъ. Философскимъ его выраженіемъ былъ матеріализмъ, соотвѣтствующій настроенію здороваго и прогрессивнаго общественнаго класса, передъ которымъ открывается широкое будущее и который чувствуетъ въ себѣ огромный запасъ творческихъ силъ. Матеріализмъ это философія борьбы и активности; вотъ почему его нѣкогда исповѣдовала буржуазія, еще не поколебавшаяся въ своемъ оптимизмѣ и не потерявшая вѣры въ свое историческое призваніе; вотъ почему рабочій классъ усвоилъ матеріалистическую философію, когда отъ нея отказалась буржуазія послѣ того, какъ у нея подорванъ былъ жизненный нервъ. Общества нормальныя и развивающіяся проникнуты реалистическимъ и матеріалистическимъ настроеніемъ; общества же приходящія въ упадокъ и разлагающіяся склонны упиваться бреднями идеалистической философіи, обыкновенно съ мистической окраской. То же самое можно сказать объ отдѣльныхъ общественныхъ классахъ. Само собою разумѣется, что этотъ философскій идеализмъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ ничего общаго съ практическимъ идеализмомъ; напротивъ, онъ по существу ему противорѣчитъ. Выступая противъ матеріалистическаго міровоззрѣнія въ эпоху общественнаго упадка, философскій идеализмъ носитъ въ корнѣ реак-

ціонный характеръ. Практическимъ же или нравственнымъ идеализмомъ обыкновенно бываютъ проникнуты какъ разъ тѣ общественные классы, которые въ области теоретической стоятъ на матеріалистической точкѣ зрѣнія.

„Новое искусство“ возстало какъ разъ противъ положительныхъ сторонъ художественнаго реализма. Оно объявило хорошимъ то, на что искренно или притворно нападалъ натурализмъ, и провозгласило переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Аттака на старую литературу велась со всѣхъ сторонъ, и со стороны формы, и со стороны цѣли, и со стороны содержанія. Лозунгомъ новаго направленія въ искусствѣ провозглашенъ былъ символизмъ въ видѣ протеста противъ трезвой точности реализма и самодовольной размѣренности парнасцевъ: символъ долженъ былъ выражать самыя глубокія и тонкія полуинстинктивныя и почти безсознательныя душевныя воспріятія. Въ поэзіи, по мнѣнію символистовъ, всегда должна быть загадка: поэтому слѣдуетъ не давать точнаго обозначенія описываемыхъ предметовъ, а наводить на нихъ, внушать ихъ съ помощью символовъ. Но въ извѣстномъ смыслѣ литература всегда была символической *).

Вполнѣ признавая законность, болѣе того—неизбѣжность

*) Въ дѣйствительности символизмъ у модернистовъ въ большинствѣ случаевъ служилъ для замаскированія полной неопредѣленности и туманности мысли, а иногда просто для прикрытія безграмотности и безсмыслицы. Поль Верленъ, на котораго символисты любили ссылаться какъ на основателя школы, крайне неодобрительно отзывался о поэтическихъ упражненіяхъ символистовъ: „Когда я страдаю, наслаждаюсь, плачу, я знаю, что это не символы... Они мнѣ надоѣли, всѣ эти цимбалисты!.. Я и-самъ когда-то шалилъ, но не имѣлъ претензіи обращать свои шалости въ законы... Я расширялъ дисциплину стиха, но не уничтожалъ его... Теперь пишутъ стихи въ тысячу стопъ! Это не стихи, а проза, иногда же просто ерунда“.

символизма въ поэзіи, нельзя однако признать нормальнымъ явленіемъ тотъ надуманный символизмъ, которымъ систематически угощали читателей декаденты и который заключался въ неожиданномъ сочетаніи словъ и мыслей, въ нарочитомъ примѣненіи эпитетовъ изъ одной области сознанія къ предметамъ и чувствамъ изъ другой области, ничего общаго, кромѣ каприза сочинителя, съ первой не имѣющей, какъ напримѣръ, характеристику настроеній, вещей или идей звуковыми и цвѣтовыми ощущеніями. „Голубая скука", „бѣлое бездѣйствіе", „фіолетовыя змѣи мечтаній", „желтыя собаки грѣховъ", „чуждый чарамъ черный челнъ", „кинжальныя слова", „лазурно-звонкіе колокольчики", „тѣнь несозданныхъ созданій", „черченіе звуковъ въ громко-звучной тишинѣ", „мѣсяцъ обнаженный при лазоревой лунѣ", алмазъ какъ „всепроницаемая святыня луча божественнаго Да", изумрудъ какъ „Змій, царь зачатій Красоты",—таковы по большей части тѣ образы, которыми обогатили поэзію символисты и которые свидѣтельствуютъ о безнадежно-мистической туманности пониманія. Наряду съ этимъ символизмомъ Бедлама шла безпринципная ломка всѣхъ установленныхъ правилъ стихосложенія и рифмы, писаніе рубленной прозой, чередованіе аршинныхъ строкъ со строчками въ одно слово, короче говоря, полнѣйшее издѣвательство надъ гармоніей, симметріей и здоровымъ художественнымъ чутьемъ. Наряду съ этимъ шло воскрешеніе старинныхъ формъ искусства, преднамѣренная и насквозь пропахшая литературщиной поддѣлка подъ наивные примитивы, возвращеніе къ первобытнымъ и устарѣлымъ реченіямъ и т. п. Но наивность примитивовъ подъ руками модернистовъ fin de siècle'я производила такое же впечатлѣніе ненужности и фальшивости, какъ румяна на впалыхъ щекахъ старой ко-

котки. „Представьте себѣ курицу, — говорилъ Гюисмансъ про одного изъ лидеровъ символизма, Мореаса, — которая клюетъ мелочи изъ словаря средневѣковаго языка. И если бы онъ еще красивыя слова выклевывалъ,—такъ нѣтъ, у него вкусъ караиба!“ Такимъ же караибомъ, да еще на церковно-славянскій манеръ, является г. Вячеславъ Ивановъ, обогатившій сокровищницу русскаго языка такими квасно-лампадными реченіями, какъ „упрягъ“, „сулица“, „осіяваться“, „вѣтвіе“, „вони древесъ“, и милые шутники, которымъ лавры этого „свѣтозрачнаго“ „гіератиста“ не даютъ спокойно спать и которые проводятъ безсонныя ночи надъ придумываніемъ такихъ словъ, не всегда находимыхъ даже въ словарѣ Даля, какъ „вѣдогонь“, „медлище“ и тому подобные „сумасшедшіе пустяки“.

Рука объ руку съ этимъ бунтомъ противъ старыхъ формъ шло индивидуалистическое возстаніе противъ традиціонныхъ моральныхъ представленій. Прежнія нравственныя нормы, до которыхъ человѣчество постепенно доработалось среди нескончаемой соціальной свалки, подверглись безпощадному отрицанію со стороны проповѣдниковъ новой морали. Но любопытно, что главная аттака велась какъ разъ противъ тѣхъ альтруистическихъ принциповъ, которые направлены были къ защитѣ интересовъ рода отъ посягательствъ эгоистическаго индивидуализма. Въ этомъ сказалась вся буржуазная подоплека глашатаевъ новой истины, пытавшихся возвести интересы и стремленія разнузданной личности эпохи буржуазнаго вырожденія въ непререкаемую догму. Подъ флагомъ борьбы за самоцѣнность и всестороннее развитіе автономной личности велась въ сущности яростная борьба противъ начатковъ соціальной и соціалистической морали. Прикрываясь лозунгомъ бунта противъ нравственности филистеровъ, модернисты обѣими ногами

2*

стояли въ навозной кучѣ буржуазнаго міропониманія. Они были тѣми же буржуа, только въ еще болѣе оголенномъ, неприкрашенномъ, принципіальномъ видѣ.

Дѣло въ томъ, что въ современномъ обществѣ литературный цехъ за ничтожными исключеніями является идеологомъ буржуазіи, т. е. класса, проникнутаго индивидуализмомъ по существу, а идеологъ какой либо общественной группы, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не можетъ вскочить выше психологіи этой группы. И еслибы даже вся пишущая братія состояла изъ „мыслящихъ пролетаріевъ", то и въ такомъ случаѣ дѣло по существу очень мало измѣнилось бы, такъ какъ жизнь и дѣятельность умственнаго пролетаріата неизбѣжно воспитываетъ въ немъ индивидуалистическую психологію. „Процессъ производства" интеллигентнаго пролетарія за ничтожными исключеніями носитъ чисто индивидуалистическій характеръ; изолированность интеллигентныхъ работниковъ обусловливаетъ ихъ разрозненность и въ сильнѣйшей степени мѣшаетъ имъ выработать практику и психологію массовой солидарности. Даже корпоративный духъ въ этой средѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ промышленной дѣятельности. Умственнымъ пролетаріямъ приходится вести личную, неорганизованную борьбу; а эта изолированность ставитъ ихъ въ гораздо большую зависимость отъ хозяевъ, отъ работодателей, отъ потребителей продуктовъ ихъ труда, чѣмъ остальныхъ пролетаріевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ въ нихъ способность легче и быстрѣе приспособляться къ требованіямъ момента, къ перемѣнамъ моды. Случайность играетъ въ ихъ жизни колоссальную роль, причемъ случайная удача мыслящаго пролетарія въ такой же степени объясняется гибкостью и приспособляемостью, какъ и дарованіями или дѣйствитель-

ными заслугами. Если прибавить къ этому, что массѣ мыслящаго пролетаріата приходится пробивать себѣ дорогу въ жизни умомъ, образованіемъ, способностями, то станетъ понятно, что эта соціальная группа склонна разсматривать себя какъ воплощеніе человѣческаго разума par excellence, какъ силу, стоящую внѣ классовъ и выше ихъ, а потому и призванную сыграть рѣшающую роль въ развитіи цивилизаціи. Отсюда одинъ шагъ до „духовнаго аристократизма“, до той „аристократической“ реакціи, которая, выступая противъ мѣщанскаго „хамства“, быть можетъ, безсознательно для себя возвращается къ психологіи побѣжденной старины и черпаетъ оружіе изъ арсенала отжившихъ идей и „превзойденныхъ“ этаповъ.

Противоборствуя напору демократіи, неудержимо вторгавшейся во всѣ области соціально-политической жизни, творцы новаго искусства горделиво провозгласили себя „аристократами духа“ и объявили цѣлью истинной поэзіи воспѣваніе утонченныхъ чувствъ и исключительныхъ переживаній. Здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, проповѣдники новыхъ путей въ сущности тащили человѣчество назадъ, къ уже пройденной ступени умственнаго развитія; они воскрешали старую пѣсню о чистомъ искусствѣ, составляющемъ удѣлъ избранныхъ умовъ и великихъ душъ, выступая въ данномъ случаѣ реакціонерами, сознательно или безсознательно стоящими на почвѣ до-буржуазнаго, феодальнаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи они примыкали къ худшимъ традиціямъ романтизма и дворянской литературы начала XIX вѣка. И не только въ этомъ пунктѣ они проявили свой непобѣдимый атавизмъ, который, по мнѣнію Ломброзо и Нордау, составляетъ отличительную черту дегенератовъ. Декаденты (будемъ употреблять это слово, хотя и не совсѣмъ точное) ищутъ сюжетовъ и вдохно-

венія въ мышленіи и формахъ далекихъ эпохъ, когда мысль человѣка прозябала въ младенческомъ состояніи, напримѣръ, въ мышленіи и формахъ средневѣковаго искусства, а то и просто вдохновляются міросозерцаніемъ помѣшанныхъ, ненормальныхъ людей, преступниковъ или дѣтей (большей частью— испорченныхъ дѣтей).

Всѣ эти уродливости находятъ свое объясненіе въ соціально-политическихъ условіяхъ новаго времени. Объ общемъ вліяніи капиталистической эволюціи на душевное состояніе и настроеніе современныхъ людей мы уже говорили. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ мы должны еще указать на нѣкоторые спеціальные факторы, подготовившіе и обусловившіе явленія идейнаго распада послѣднихъ десятилѣтій.

Извѣстна та реакція противъ свободомыслія, которая охватила правящіе классы Европы послѣ революціонныхъ потрясеній конца XVIII вѣка. Именно тогда въ противовѣсъ матеріалистическимъ системамъ просвѣтителей выдвинулись различные виды идеалистической философіи и окрѣпъ мистицизмъ. Аналогичное явленіе наблюдается среди буржуазіи въ послѣдней четверти XIX вѣка. Грозное предостереженіе, данное господствующимъ классамъ парижской Коммуной, безостановочное развитіе соціализма среди пролетаріата промышленныхъ странъ поселили въ рядахъ буржуазіи тревогу за самое существованіе капиталистическаго режима. Снова началась широкая религіозная реакція противъ свободомыслія и матеріалистическаго міровоззрѣнія, снова потревоженныя слабыя души начали искать прибѣжища въ мистическихъ и идеалистическихъ системахъ всякаго рода, подчасъ самыхъ невѣроятныхъ, попросту граничащихъ съ изувѣрствомъ и ненормальностью. Мы не говоримъ уже о католической реакціи, обнаружившейся въ

серединѣ 80-хъ годовъ на родинѣ свободной мысли и атеизма, во Франціи. Но вотъ въ великой французской столицѣ, этомъ „городѣ-свѣточѣ“, какъ французы любятъ называть Парижъ, наблюдается возвращеніе къ самымъ нелѣпымъ и грубымъ суевѣріямъ троглодитовъ. Здѣсь въ 80-хъ годахъ основаны были общины буддистовъ и поклонниковъ сатаны, которому попы-разстриги служили „черныя мессы“; размножились гадалки, колдуны, чародѣи, хироманты, ассирійскіе маги и прочіе кудесники, дѣлавшіе прекрасныя дѣла и во всякомъ случаѣ находившіе убѣжденныхъ поклонниковъ. Въ этомъ мутномъ мистическомъ потокѣ сразу начала, конечно, пробиваться весьма замѣтная эротическая струя.

Религіозный мистицизмъ какими-то тайными, но несомнѣнными путями связанъ съ половой психопатіей; вѣроятно въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то разстройствомъ нервныхъ центровъ. Объ этой связи достаточно убѣдительно говоритъ намъ вся исторія человѣческихъ суевѣрій, начиная съ древнихъ халдеевъ и финикіянъ, проходя черезъ Византію и кончая французскими или англійскими модернистами и нѣкоторыми русскими сектами. Именно такими чертами характеризуется литературное творчество извѣстнаго французскаго романиста Гюисманса, бывшаго послѣдователемъ Золя, а затѣмъ сдѣлавшагося вѣрнымъ слугой католической церкви; этимъ же „духомъ перемежающагося горячаго благочестія и самаго крайняго разврата“, какъ замѣчаетъ Михайловскій, характеризуется жизнь и литературная дѣятельность духувнаго отца декадентовъ, Поля Верлена. Въ одномъ сборникѣ стихотвореній этого талантливаго, но полу-преступнаго, полу-сумасшедшаго поэта, обратившагося къ вѣрѣ въ тюрьмѣ, куда онъ былъ посаженъ за покушеніе на убійство своего

друга, воспѣваются педерастія и лесбійская любовь; но это не мѣшало тому же Верлену воспѣвать „мистическую мудрость, любовь къ сердцу Іисусову въ глубокомъ экстазѣ и мысль о дѣвѣ Маріи“. А вѣрующій католикъ Гюисмансъ снабжаетъ своимъ предисловіемъ безумную книгу Жюля Буа о „Сатанизмѣ и Магіи“, пишетъ романъ „На-выворотъ“ (A rebours), въ которомъ выводится ненормальный „аристократъ духа“, проявляющій отвращеніе ко всему естественному и здоровому въ личной и общественной жизни, и наконецъ сочиняетъ романъ „Là-bas“, въ которомъ герой романа, историкъ и эстетикъ Дюрталь, совершаетъ прелюбодѣяніе съ чужой женой, вѣрующей католичкой, старающейся придать особую пикантность своимъ приключеніямъ и для этого обставляющей ихъ всевозможными кощунствами, и въ этомъ романѣ, подъ предлогомъ ознакомленія читателя съ историческими изслѣдованіями Дюрталя, подробно смакуетъ дѣянія кровожаднаго эротомана XV вѣка, маршала Жиля-де-Ретца (между прочимъ, внушившаго Перро его знаменитую сказку о „Синей бородѣ“).

Какъ справедливо замѣчаетъ Н. Кудринъ, „послѣдній и немаловажный элементъ мистической реакціи это—желаніе придать лишнюю остроту разврату, приправляя его сознаніемъ грѣха“. Черта чисто аристократическая; буржуазный развратъ обыкновенно лишенъ этой пряной приправы, которая составляетъ удѣлъ вѣрующей аристократіи—и не даромъ „свѣтскіе“ писатели, сторонники чистаго искусства и, ужъ конечно, убѣжденные „идеалисты“, предпочтительно черпаютъ сюжеты для своихъ клубничныхъ произведеній изъ жизни „большого свѣта“ и тысячею нитей связаннаго съ нимъ полу-свѣта. Впрочемъ, тема эта настолько популярна, что даже невѣрующіе писатели, напримѣръ, Катюллъ Мендесъ, останавливаются на ней

съ особой охотой. Мотивы садизма съ особенной любовью разрабатываются большинствомъ декадентовъ и въ частности мистически настроенными. Ханжество и грязный развратъ— родные братья.

Иныя писанія мистиковъ и демонолатровъ граничатъ съ помѣшательствомъ. Но съ нимъ же или, по крайней мѣрѣ, съ полнѣйшей безсмыслицей граничатъ многія произведенія декадентовъ вообще. Кстати. Любопытно, что обѣтованной землей мистическаго декадентства оказались Францiя и Бельгія. Да и выступили декаденты на сцену приблизительно въ одно и то же время въ обѣихъ странахъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Въ этотъ моментъ въ обѣихъ странахъ возобновлялось стихійное рабочее движеніе и началась организація соціалистическихъ партій; судорожныя движенія рабочихъ массъ разразились во Франціи многочисленными стачками 1878 г. и, наконецъ, извѣстной Деказвильской стачкой (1886 г.), а въ Бельгіи грандіозной забастовкой углекоповъ, сопровождавшейся рядомъ эксцессовъ и кровавыхъ столкновеній съ вооруженной силой (1886 г.). Въ обѣихъ странахъ классовыя противоположности и политическая борьба достигли крайняго напряженія, выражаясь въ самыхъ обостренныхъ формахъ; здѣсь и тамъ многочисленная и полная гордыхъ историческихъ воспоминаній мелкая буржуазія бурно протестовала противъ своей пауперизаціи и пыталась отчаянными усиліями пріостановить свое экономическое порабощеніе; здѣсь и тамъ переполненіе интеллигентныхъ профессій вело къ озлобленію и отчаянію мыслящаго пролетаріата. Во Франціи, предвосхищающей грядущія судьбы болѣе отсталыхъ націй, къ этому присоединялись еще другія условія: кошмарныя воспоминанія войны и Коммуны не успѣли еще изгладиться, потрясенная нервная

система отзывчиваго и впечатлительнаго народа не успѣла еще придти въ равновѣсіе, а вдобавокъ рискъ усложнившейся жизни привелъ въ этой культурной странѣ, дорожащей благами комфорта, къ пріостановкѣ роста народонаселенія. И какъ-бы для того, чтобы сконцентрировать всѣ соціально-политическіе факторы, обусловившіе литературный распадъ fin de siècle'я, къ дѣйствію буржуазной реакціи присоединилась реакція католическая. Во Франціи республика, утвердившаяся въ борьбѣ съ роялистами, въ силу желѣзной логики вещей втянулась въ борьбу съ католической церковью и уже успѣла нанести ей первые тяжелые удары закономъ о народномъ образованіи и декретами противъ іезуитовъ и монашескихъ конгрегацій (1879—81); въ Бельгіи католическая партія потерпѣла пораженіе на выборахъ въ 1878 г. и вплоть до 1884 г. оставалась въ оппозиціи; вторая половина 70-хъ годовъ заполнена была ожесточенной борьбой между либералами и католиками, какъ бы воскресившей призракъ междуусобной религіозной войны и глубоко взволновавшей всю страну. И хотя въ 1884 г. клерикалы одержали верхъ надъ либералами, но католическая церковь чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ власть постепенно ускользаетъ изъ ея цѣпкихъ рукъ.

И не случайно то обстоятельство, что двумя изъ главныхъ представителей декадентскаго символизма явились Метерлинкъ, бывшій питомецъ іезуитовъ и воспитанникъ Гентскаго католическаго университета, уроженецъ благочестивой Фландріи, составляющей позвоночный хребетъ бельгійской католической реакціи, и Жоржъ Роденбахъ, происходившій изъ фламандской семьи. Роденбахъ, поэтъ тонкихъ, туманныхъ ощущеній, невнятныхъ шептаній и полунамековъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ мистикомъ и клерикаломъ, воспѣвавшимъ красоты католичес-

каго культа и монашескаго благочестія. „Въ двухъ шагахъ отъ фабрикъ, гдѣ прогрессъ, нашъ новый богъ, приводитъ въ движеніе безсознательныя машины, а иногда, въ грозные моменты, разнуздываетъ грубыя и злобныя страсти, казалось исчезнувшія вмѣстѣ съ доисторическими чудовищами, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ законодательныхъ собраній, въ которыхъ рычитъ демократія, обители бегинокъ (воспѣтыя Роденбахомъ) являются убѣжищами мира, небесной чистоты, радостнаго восхищенія и тихой прелести“,—говоритъ Гастонъ Дешанъ (въ главѣ „Литературный Католицизмъ“ своей книги „La Vie et les livres“, часть II) по поводу Роденбаховскаго „Musée de béguines“ и продолжаетъ: „Если только не быть членомъ батиньольскаго общества „Свободныхъ Мыслителей“ или виднымъ дѣятелемъ сентъ-уанскаго „Авангарда“, то невозможно не испытывать при чтеніи этой книги какого-то болѣзненнаго удовольствія“. А восторгаясь его меланхолическими напѣвами, проникнутыми тихой грустью безнадежнаго умиранія, Дешанъ мѣтко замѣчаетъ: „Рискуя скандализировать вольтеріанцевъ, я открыто заявляю, что эта минорная мелодія мнѣ не ненравится. По мѣрѣ того, какъ прислушиваешься къ ея рыданію, испытываешь такое ощущеніе, какъ будто ты мягко и безшумно расплываешься, что твое „я“ улетучивается капля по каплѣ, теряясь въ дождѣ и испаряясь въ туманѣ. Образованные римляне, жившіе въ эпоху дурныхъ императоровъ, вѣроятно, вкушали эту восхитительную форму самоубійства“.

Итакъ, этотъ пѣвецъ мистическаго декадентства выразилъ унылое настроеніе періода, ищущаго самозабвенія въ сладострастномъ предвкушеніи Нирваны. Другой фламандецъ, символистъ и мистикъ, Метерлинкъ долго считался чѣмъ-то вродѣ

декадентскаго папы. Въ послѣднее время онъ, повидимому, отрексся отъ „заблужденій молодости“ и, можетъ быть, вскорѣ, подобно Л. Тайяду, начнетъ увѣрять, что до сихъ поръ онъ просто дурачилъ наивныхъ и слабоумныхъ поклонниковъ; но въ пору своего владычества въ лагерѣ неврастениковъ Метерлинкъ писалъ нарочито туманнымъ, безсмысленнымъ языкомъ, внушавшимъ скорѣе мысль о злой пародіи, чѣмъ о серьезномъ творчествѣ. Стоитъ припомнить хотя бы его стихотвореніе „Скука“ („Беззаботные павлины, бѣлые павлины“ и т. д.), въ которомъ авторъ, путемъ назойливаго повторенія носовыхъ звуковъ старается возбудить въ читателѣ-слушателѣ ощущеніе скуки. Въ другомъ стихотвореніи „Душа“, крайне характерномъ для формы и содержанія модернистской поэзіи, нѣтъ и этого внѣшняго, чисто механическаго смысла. Вотъ оно:

„Моя душа! О, моя душа, поистинѣ слишкомъ укрытая! И эти стада желаній въ теплицѣ! Въ ожиданіи бури въ лугахъ! Пойдемъ къ *самымъ больнымъ*: у нихъ странныя *испаренія*. Среди нихъ я прохожу по полю битвы съ моею матерью. *Хоронятъ* брата по оружію въ полдень, въ то время какъ стражи обѣдаютъ. Пойдемъ также къ *самымъ слабымъ:* у у нихъ *страшный потъ*. Вотъ *больная* новобрачная, измѣна въ воскресенье и маленькія дѣти *въ тюрьмѣ* (и дальше сквозь паръ), это *умирающая* у дверей кухни? Или сестра чиститъ овощи у постели *неизлечимо больного?* Пойдемъ, наконецъ, къ *самымъ печальнымъ* (послѣ всѣхъ, потому что у нихъ есть яды). О, мои губы принимаютъ поцѣлуи *раненаго*! Всѣ владѣлицы *умерли съ голоду* этимъ лѣтомъ въ башняхъ моей души! Вотъ утро входитъ въ праздникъ! Я замѣчаю овецъ на набережныхъ и есть паруса на окнахъ *больницы*! Дли-

ненъ путь отъ моего сердца къ моей душѣ! И всѣ стражи *умерли* на своемъ посту! Былъ нѣкогда бѣдный маленькій праздникъ въ предмѣстьяхъ моей души! Тамъ косили *ядовитую траву* въ воскресенье утромъ, и всѣ монастырскія дѣвы смотрѣли, какъ плывутъ корабли по каналу въ постный солнечный день. Между тѣмъ какъ лебеди *страдали подъ ядовитымъ мостомъ*; подчищали деревья вокругъ *тюрьмы*, приносили *лекарства* въ іюнѣ послѣ полудня, и *пиршества больныхъ* распространялись на весь горизонтъ! Моя душа! И печаль всего этого, моя душа! И печаль всего этого!"*)

У Гоголя жена городничаго читаетъ записку, написанную ей мужемъ на трактирномъ счетѣ. „Спѣшу тебя увѣдомить, что состояніе мое было весьма печальное; но уповая на милосердіе божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копеекъ". Анна Андреевна спохватывается и откровенно заявляетъ, что „ничего не понимаетъ: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?". Модернистскіе же писатели въ серьезъ сочиняютъ такіе трактирные счета и выдаютъ ихъ за новое слово, и находится публика, которая съ серьезнымъ видомъ читаетъ этотъ безсмысленный наборъ словъ и почтительно внимаетъ этому бреду, ища въ немъ глубокаго откровенія. Какъ не сказать при видѣ этого трагикомическаго зрѣлища: что за глаза, а главное, что за уши!

Не подлежитъ сомнѣнію, что многія черты изъ исторіи модернизма невольно внушаютъ мысль, что мы имѣемъ дѣло съ людьми ненормальными, психически разстроенными. Несмотря на всю филистерскую пошлость книги Макса Нордау о „Вырожденіи", авторъ которой готовъ усматривать проявленіе

---

*) Курсивъ нашъ. О значеніи его см. ниже.

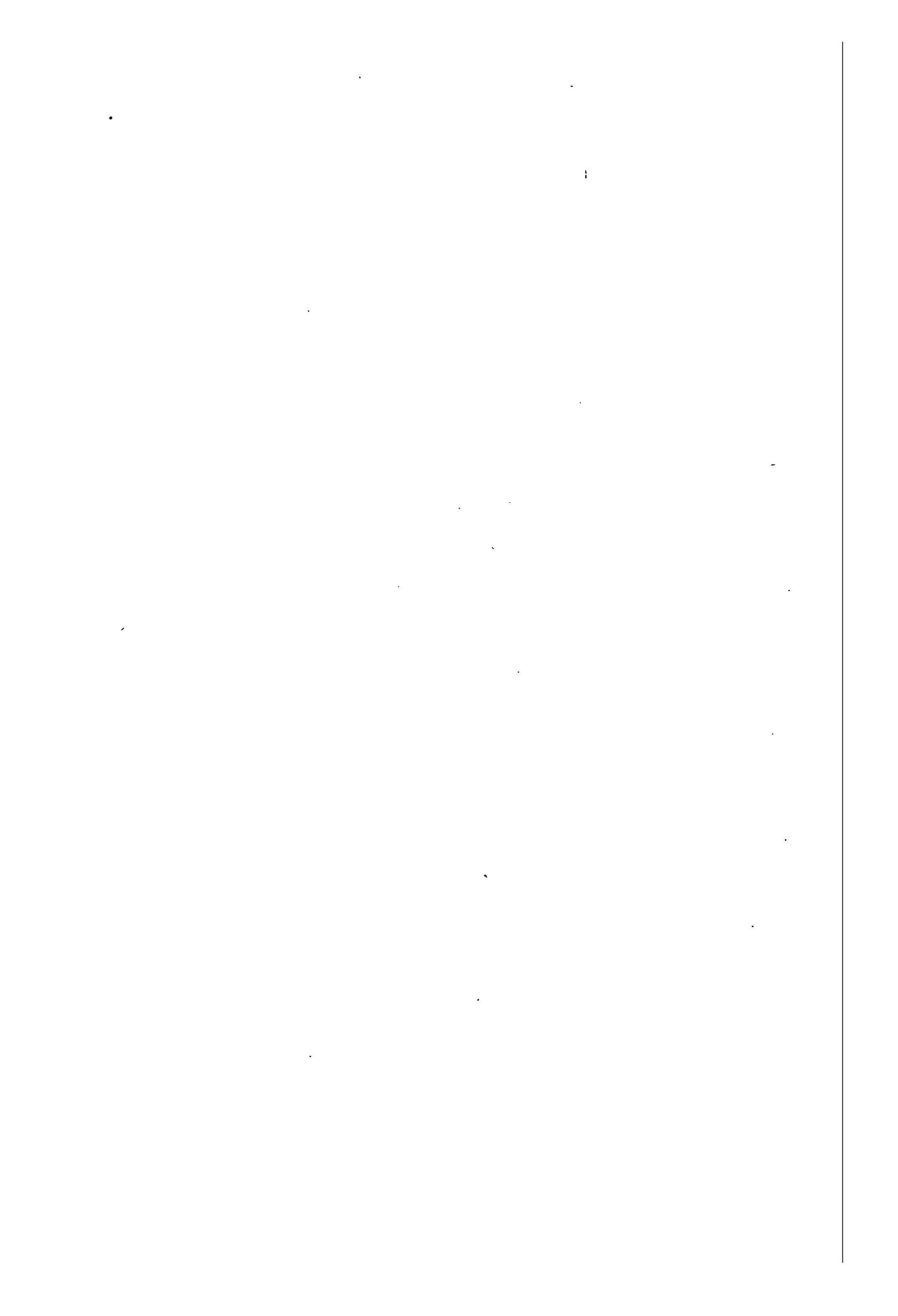
ненормальности какъ въ чертобѣсіи маговъ и символистовъ, такъ и во всякомъ бунтѣ противъ установленныхъ буржуазныхъ общественныхъ отношеній, и поставить на одну доску безумства и ломанье декадентовъ и здоровый революціонный протестъ піонеровъ будущаго, несмотря на всю тупость и ограниченность этого типичнаго мѣщанина съ уравновѣшенной душой и сытымъ желудкомъ, онъ собралъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ фактовъ, убѣдительно свидѣтельствующихъ объ утратѣ душевнаго равновѣсія многими носителями „новыхъ словъ". И для того, чтобы признать эту истину, вовсе не надо непремѣнно быть ограниченнымъ послѣдователемъ Ломброзо, какимъ является М. Нордау.

При этомъ мы даже не имѣемъ въ виду представителей сатанизма или черной магіи, хотя элементъ чертобѣсія и религіознаго мистицизма, граничащаго съ изувѣрствомъ, присущъ очень многимъ и многимъ декадентамъ и символистамъ. Въ кружкѣ „декадентовъ", вышедшемъ въ 1884 г. изъ кружка „гидропатовъ", *) состояли членами, между прочимъ, Стефанъ Малларме и Станиславъ Гаита. Малларме, бывшій парнасецъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ничего не писалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что современное общество не можетъ дать великому поэту матеріала, достойнаго его глубокихъ внутреннихъ переживаній; но это горделивое молчаніе божка не мѣшало его

---

*) Нелѣпое „символическое" словечко, составленное, по язвительному замѣчанію Нордау, изъ „гидротерапіи" и „невропатіи". Въ кружкѣ „гидропатовъ" участвовали, м. пр., Гюи-де Мопасанъ, П. Бурже, Э. Гонкуръ, Роллина, Сарра Бернаръ и др. А эпитетъ „декадентъ" первоначально былъ брошенъ сторонникамъ „новыхъ путей" въ видѣ презрительной клички, но они съ гордостью подхватили его какъ боевой кличъ вродѣ нидерландскихъ „гезовъ".

послѣдователямъ, а напротивъ, побуждало ихъ признавать его поэтомъ, наиболѣе близкимъ къ „абсолюту", „живой совѣстью" и „строгимъ учителемъ", въ тиши подготовляющимъ какое-то невиданное, геніальное произведеніе. Конечно, ничего подобнаго міръ отъ Малларме не дождался. Продолжая мистификацію до конца, Малларме за два часа до смерти приказалъ своей дочери сжечь при немъ всѣ его рукописи. Но еще лучше въ своемъ родѣ Гаита, который въ концѣ концовъ оказался чернокнижникомъ и магомъ, велъ на разстояніи борьбу съ другимъ магомъ и волшебникомъ, аббатомъ Буланомъ или докторомъ Іоанномъ, жившимъ въ Ліонѣ (причемъ борьба эта кончилась якобы смертью ліонскаго чародѣя, пораженнаго „астральными силами" въ печень и сердце), и даже билъ, тоже на разстояніи, „флюидическими" ударами кулака по головѣ самого Гюисманса, разоблачившаго, дескать, тайны сатанизма въ своемъ романѣ „Là-bas". Мало того; у себя въ шкафу онъ держалъ какого-то „домашняго духа", появлявшагося изъ своего заточенія по его приказанію, и т. п. Вотъ къ какимъ нелѣпостямъ пришла мистическая реакція противъ философскаго реализма и „обанкротившейся" науки.

Глава II.

Психологія декаданса. — Переоцѣнка цѣнностей.— Демонизмъ.—Безуміе, истерія, неврастенія.—Половой вопросъ.—Соціальныя причины половой психопатіи и половыхъ извращеній.—Декаденты и филистеры.— Декаденты, какъ выразители добуржуазной, а не послѣбуржуазной морали.—О границахъ искусства.— Реклама внѣшняя и реклама внутренняя.

Конечно, не все декаденты занимаются черной магіей или даже настроены мистически, хотя общая соціальная атмосфера, въ которой расцвѣло декадентство, несомнѣнно пропитана была духомъ мистицизма, искренняго или лицемѣрнаго, явившагося протестомъ противъ свободомыслія, разсудочности и матеріализма предшествующей эпохи. Не всѣхъ декадентовъ можно считать людьми психически неуравновѣшенными, хотя окружавшая ихъ среда умирающаго общественнаго строя несомнѣнно способствовала нарушенію душевнаго равновѣсія, какъ среди массы публики, составляющей аудиторію писателей и художниковъ, такъ и среди идеологовъ. Многіе декаденты извѣстны, какъ люди въ общемъ вполнѣ нормальные; нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ даже привиллегированное положеніе въ обществѣ и такимъ образомъ лично избавлены отъ риска и необезпеченности существованія, которые являются главнымъ зломъ современнаго соціальнаго строя, основаннаго на конкурренціи и гибели обездоленныхъ. Но представители и члены обреченной на смерть исторической полосы, выразители упадочнаго, предсмертнаго настроенія опредѣленнаго историческаго періода, они впитали въ себя весь ядъ этого вымиранія, весь страхъ жизни и боязнь дѣйствительности, присущіе умирающимъ классамъ. И весьма характерно въ этомъ отношеніи то обстоятельство,

3*

что тѣ немногіе представители декадентства, которые сумѣли освободиться отъ „модернистской“ мерзости запустѣнія, отъ символистическаго тлѣна и примкнули впослѣдствіи къ партіи активнаго протеста, старались объяснить свое мимолетное пребываніе въ лагерѣ ходячихъ труповъ не то промахами своей незрѣлой мысли, не то желаніемъ „помистифицировать“ молодыхъ глупцовъ, собиравшихся въ декадентскихъ кабачкахъ. Такое, напримѣръ, объясненіе далъ Лоранъ Тайядъ, впослѣдствіи перешедшій изъ декадентовъ въ анархисты.

Неоднократно указывалось на демонизмъ новаго искусства, на восхваленіе зла, которымъ оно видимо щеголяло на страхъ пугливымъ филистерамъ, сначала было не разглядѣвшимъ въ модернистахъ своего родного дѣтища. Философъ модернизма, полагавшій, что онъ борется съ мѣщанствомъ, но въ дѣйствительности идеализировавшій его сущность, сочетавши эту идеализацію съ апологіей аристократіи, Фридрихъ Ницше*), далъ намъ подчасъ крайне смѣшное, подчасъ сильно написанное восхваленіе зла, властолюбія, насилія, эксплуатаціи и жестокости. Но прежде, чѣмъ выступить съ этой апологіей торжествующаго зла, переоцѣнщикамъ всѣхъ цѣнностей пришлось установить принципъ безразличія добра и зла. „Нѣтъ добра и зла, есть только факты“,—гласило это положеніе чистаго искусства и чистой философіи, весьма удобныхъ для „чистой“ публики и пытавшихся дать объективное оправданіе ея

*) Самъ Ницше признавалъ себя „декадентомъ“, но наивно полагалъ, что его философская природа способна защитить его отъ этого. „Я, какъ и Вагнеръ, декадентъ,—писалъ онъ.—Съ той только разницей, что я это сознаю и отъ этого защищаюсь“. Въ дѣйствительности дѣло обстояло наоборотъ. Въ своей защитѣ отъ мнимаго декадентства Ницше все глубже погружался въ настоящее декадентство.

привиллегированнаго положенія. Нечего и говорить, что это оправданіе индифферентизма, эта самодовольная философія сытыхъ ничего общаго съ истиннымъ объективизмомъ не имѣетъ. Но зато она служитъ незамѣнимымъ мостомъ для перехода отъ устарѣлаго служенія добру къ возвеличенію и идеализаціи зла, т. е. основного принципа существующаго строя. Вмѣстѣ съ идеей добра упраздняется и идея долга, эта идея родового характера par excellence, и замѣняется служеніемъ красотѣ въ индивидуалистическомъ смыслѣ этого слова. Какъ будто высшая красота, высшій идеализмъ (конечно, нравственный, а не философскій) не заключается въ подчиненіи личныхъ и групповыхъ интересовъ интересамъ коллективности, интересамъ рода! Какъ будто величайшія историческія дѣянія не связаны тѣснѣйшимъ образомъ съ идеей долга и рода и не являются вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе цѣнными также въ художественномъ смыслѣ, наиболѣе прекрасными, наиболѣе эстетичными, какъ будто они сильнѣе всего не повліяли на творчество великихъ художниковъ и не внушили имъ величайшихъ произведеній, вѣчно чарующихъ насъ своей нетлѣнной красотой!

Прерафаэлитъ Свинборнъ пѣлъ: „О стыдѣ я скажу: что есть стыдъ? О добродѣтели—мы ея не знаемъ. О злѣ—мы хотимъ его цѣловать; нѣтъ больше зла“. На такой же по существу точкѣ зрѣнія стояли Бодлеръ, Оскаръ Уайльдъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные упадочники, которыхъ извращенное зло влекло къ себѣ съ непреодолимой силой, особенно если оно было внѣшне красиво или „эстетично“. Эстетика, въ ихъ извращенномъ пониманіи, вотъ цѣль жизни; она выше истины, выше добра, выше морали. „Міръ, по мнѣнію Малларме, существуетъ для того, чтобы доставить матеріалъ для прекрасной книги“. Мрачнымъ демоническимъ голосамъ евро-

пейскихъ декадентовъ умильно вторитъ тоненькій фальцетъ русскаго декадента, г-на Бальмонта: его „духъ вампиромъ Сатану поетъ и славитъ“, ему дорого всякое зло, „чума, проказа, тьма, убійство и бѣды, Гоморра и Содомъ“; восторгаясь тѣмъ, что предокъ его былъ палачомъ, онъ мечтаетъ о такой же почетной профессіи. Другой декадентъ, г-нъ Брюсовъ, посвящая г-ну Бальмонту свои стихи, характеризуетъ его такъ: „угрюмый обликъ, каторжника взоръ... Но я въ тебѣ люблю, что весь ты ложь“. Эти надуманные, вымученные перепѣвы*)

---

*) Искреннимъ сатанистомъ среди русскихъ декадентовъ является, кажется, одинъ только Өедоръ Сологубъ, который производитъ впечатлѣніе дѣйствительно психически неуравновѣшеннаго человѣка и для котораго „лишь позоръ нагого преступленья заманчивъ, какъ всегда, и сладко нѣмое изступленье безумства и стыда“. Въ одномъ стихотвореніи онъ признаетъ своимъ отцомъ дьявола, которому онъ далъ клятву служить злу.

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ: „отецъ мой, Дьяволъ,
Спаси, помилуй—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей.—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней“.
И Дьяволъ взялъ меня и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ,

европейскихъ демонистовъ у маленькихъ русскихъ подголосковъ носятъ смѣхотворный характеръ, но у нихъ эта выдумка столь же омерзительна, неэстетична и столь же антисоціальна, какъ и у тѣхъ.

Для оправданія своей переоцѣнки цѣнностей, модернисты всякихъ толковъ не стѣснялись притягивать за волосы исторію, которая, при извѣстной ловкости рукъ, дѣйствуетъ какъ дышло: „куда повернешь, туда и вышло". Читатель знаетъ, конечно, про историческую фантазію Ницше о „великолѣпномъ, жаждущемъ добычи и побѣды бѣлокуромъ животномъ", покорившемъ слабую черноволосую расу, но въ концѣ концовъ побѣжденномъ моралью своихъ рабовъ и усвоившемъ отъ нихъ такія отрицательныя понятія, какъ любовь къ ближнему, обузданіе властолюбія, взаимопомощь и солидарность. На этой биржѣ переоцѣнокъ, гдѣ декадентскіе зайцы всѣми правдами и неправдами взапуски стремились уронить курсъ традиціонныхъ моральныхъ представленій (повторяемъ—въ ихъ альтруистической, родовой, а не индивидуалистической, эготистской сторонѣ), русскіе модернисты старались, какъ и въ другихъ областяхъ „новыхъ словъ", не ударить въ грязь лицомъ предъ своими европейскими наставниками и въ своемъ куцомъ, беззубомъ бунтѣ противъ

Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И ты меня изъ бездны спасъ.
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю
И соблазняя соблазню.

Этой клятвѣ г-нъ Сологубъ остался вѣренъ до сихъ поръ въ мѣру отпущенныхъ ему отцомъ его дьяволомъ талантовъ.

„рабской морали“ рабски слѣдовали своимъ западнымъ образцамъ, по русскому обычаю подчасъ нещадно перевирая и утрируя ихъ взгляды. Г-нъ Мережковскій даже двинулъ въ защиту модернистской морали тяжелую артиллерію историческихъ изысканій въ своемъ изслѣдованіи о Леонардо-да-Винчи, гдѣ исторія фантастически перемѣшана съ „беллетристикой“ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова и гдѣ великому итальянскому художнику приписывается мысль о безразличіи добра и зла предъ свѣтомъ вѣчной истины и красоты. У прихлебателей модернизма, пристающихъ ко всякому модному теченію и составившихъ декадентскую толпу, если угодно, чернь, эта мысль преломлялась въ головахъ слѣдующимъ образомъ:

Я хочу, я хочу быть порочнымъ!—

распѣваетъ отечественный фруктъ, Осипъ Яковлевъ:

Вѣрь: и совѣсть, и долгъ—только дымъ,
Рабской цѣпи ничтожныя звенья...
Годы, годы служенія имъ
Всѣ не стоятъ минуты паденья!

Паденія—съ дамой, разумѣется! Это ужъ изъ области юмористическаго „демонизма“. Не всегда, конечно, демонизмъ носитъ у декадентовъ такой смѣхотворный характеръ. Но даже тамъ, гдѣ модернисты не воспѣваютъ зла, ихъ взоръ съ особенной любовью останавливается на всемъ отвратительномъ, отталкивающемъ, ненормальномъ, уродливомъ и болѣзненномъ. Настоящіе гастрономы увѣряютъ, что особенно хороша только слегка испортившаяся дичь. Декаденты, эти гурманы тонкихъ и извращенныхъ ощущеній, также чувствуютъ непобѣдимую склонность къ гнили и уродливости, къ виду и запаху тлѣна

и разложенія. Въ этомъ отношеніи они—истинныя дѣти больного вѣка, выразители вымирающей общественной формаціи.

При знакомствѣ съ декадентскими произведеніями бросается въ глаза то обстоятельство, что творчество ихъ съ особой предпочтительностью останавливается на уродливостяхъ и болѣзняхъ, физическихъ и нравственныхъ, на искалѣченности тѣлесной и душевной. Запахъ эфира и іодоформа проникаетъ творенія декадентовъ и образуетъ специфическій букетъ, невыносимый для людей нормально-чувствующихъ, но пріятно щекочущій ноздри „новыхъ людей". Эфиръ, больница, предсмертный хрипъ, разложеніе, гніеніе, гной язвъ, болѣзненный выпотъ, судорожныя гримасы страданія,—вотъ образы, которыми съ чрезвычайной охотой пользуются декадентскіе поэты, и тлѣніе всепобѣждающей смерти властно носится надъ ихъ произведеніями. Приводимъ для примѣра еще стихотвореніе Метерлинка: „Теплица".

„О, теплица среди лѣсовъ! И твои навсегда запертыя двери! И все, что есть подъ твоимъ куполомъ! И подъ моей душой въ аналогіи съ тобой! Мысли принцессы, которая *голодна, тоска* матроса въ пустынѣ, мѣдная музыка подъ окномъ *неизлечимо-больныхъ.*—Идите въ самые теплые углы! Какъ будто женщина, упавшая въ *обморокъ* въ день жатвы, на *больничномъ дворѣ* почтальоны; вдали проходитъ охотникъ за оленями, ставшій *больничнымъ служителемъ.*—Разсматривайте при лунномъ свѣтѣ! (о, тогда *все не на своемъ мѣстѣ!*). Какъ будто *безумная* передъ судьями, военный корабль съ распущенными парусами на каналѣ, ночныя птицы на лиліяхъ, *погребальный звонъ* въ полдень (тамъ, подъ этими колоколами!), *этапъ больныхъ* на лугу, *запахъ эфира* въ солнечный день. Боже мой, Боже мой, когда будетъ у насъ дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ въ теплицѣ!"

Оставляя въ сторонѣ элементъ настоящаго безумія, а также намѣреннаго шутовства и кривлянья (о которомъ ниже), мы должны признать, что въ самой психикѣ декадентскихъ писателей и сочувственно внимающей имъ аудиторіи имѣются извѣстныя черты надорванности, изломанности, смутнаго недовольства, которыя, быть можетъ, помимо ихъ воли, заставляютъ ихъ фиксировать свое вниманіе на проявленіяхъ изуродованности и истеріи. Аналогичный характеръ носятъ ихъ драматическія произведенія, какъ чисто декадентскія, такъ и такія, которыя только нѣкоторыми своими сторонами совпадаютъ съ плоскостью литературной неврастеніи, подобно двумъ пересѣкающимся кругамъ (напр., драмы Ибсена). Герои этихъ произведеній отличаются расшатанной нервной системой, несуразностью въ рѣчахъ и поступкахъ, психической растерянностью и издерґанностью; почти никогда нельзя понять прямыхъ причинъ ихъ недовольства, во многихъ случаяхъ трудно понять, гдѣ они живутъ и чего хотятъ, но это не мѣшаетъ имъ постоянно „бунтовать“ невѣдомо противъ чего и стремиться къ „тому, чего нѣту“, да подчасъ и быть не можетъ. Въ противность классической трагедіи, гдѣ драматизмъ создается коллизіей могучихъ и жизненныхъ страстей, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ головными, надуманными терзаніями и мелкими, какъ по источнику своему, такъ и по своимъ результатамъ, страстями; въ отличіе отъ классической трагедіи, гдѣ пьеса часто кончается гибелью героевъ, но гдѣ мы видимъ дѣйственную смерть, дающую начало новой жизни и составляющую основное условіе этой жизни, здѣсь торжествующая смерть выступаетъ въ качествѣ непреодолимой силы, убивающей и жажду, и смыслъ, и источники жизни. Въ классической трагедіи смерть можетъ быть ужасной, но она прекрасна, какъ умираніе матери-природы

зимой, когда подъ глубокимъ снѣжнымъ покровомъ подготовляется близкій и радостный расцвѣтъ весны; въ модернистской драмѣ смерть, вѣнецъ созданья и неизбѣжная участь всего сущаго, гадка, безсмысленна и противна, какъ „запахъ эфира въ солнечный день", какъ агонія умирающаго на грязной больничной койкѣ, какъ безнадежный конецъ вымирающаго міра. Получается театръ растерянныхъ масокъ и развинченныхъ маріонетокъ, поражающій свой ненатуральностью и ненормальностью огорошеннаго зрителя, который начинаетъ думать, что онъ попалъ въ Бедламъ или въ Шарантонъ, если только онъ самъ не принадлежитъ къ представителямъ fin de siècle'я и не зараженъ психикой распада, если онъ, однимъ словомъ, не почувствуетъ въ изломанныхъ герояхъ пьесы людей, близкихъ ему по настроенію и поступкамъ *).

Такая же неуравновѣшенность проявляется въ отношеніи модернистской литературы къ вопросу о любви. Что „вопросъ пола" составляетъ одинъ изъ вѣчныхъ вопросовъ человѣчества, что поэтому онъ по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ подлежитъ вѣдѣнію поэзіи,—доказывать это значитъ ломиться въ открытую дверь. И прибѣгая къ такимъ аргументамъ, когда рѣчь заходитъ о томъ направленіи, которое приняла трактовка этой темы у вѣщателей новыхъ словъ, декаденты. и ихъ приспѣшники въ области критики и публицистики дѣлаются жертвой вольнаго или невольнаго лицемѣрія **).

---

*) Оцѣнку Метерлинковской трагедіи съ соціально-критической точки зрѣнія см. въ брошюрѣ *Роландъ-Гольстъ,* Мистицизмъ въ современной литературѣ. Спб. 1906.

**) Такъ поступаетъ нѣкій г-нъ Дмитріевъ въ „Журнальномъ Обозрѣніи". ноябрьской книжки „Образованія" за 1907 г. Раздѣлавъ за „вакханалію мысли и чувства" господъ Каменскаго, Кузмина, Сологуба,

Конечно, этотъ вопросъ еще долго не перестанетъ волновать человѣчество; конечно, величайшіе поэты міра всегда подходили къ этому вопросу; конечно, величайшія произведенія искусства во многихъ случаяхъ трактовали этотъ вопросъ. Но какъ трактовали? такъ ли, какъ это дѣлаютъ эстеты, символисты, худосочные „эллинисты“ и тонконогіе „фавны“ нашего времени? Вѣдь въ этомъ все дѣло, и никакими отводами и лицемѣрными воплями противъ филистерской робости современнымъ Геростратамъ не удастся набросить покрывало на голову истины.

У Толстого старый казакъ Ерошка, олицетвореніе животно-растительной жизни, стихійной силы, непосредственно сливающейся съ матерью-природой и отъ нея почерпающей свои нравственныя нормы, обѣщаетъ Оленину достать ему красавицу и на замѣчаніе раздвоеннаго скепсисомъ, утратившаго чувство непосредственности и надломаннаго горожанина, что вѣдь это грѣхъ, наивно отвѣчаетъ: „Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? На

совокупившаго въ „Любви“ отца съ дочерью), Ауслендера, Вал. Брюсова и Зиновьеву-Аннибалъ, г-нъ Дмитріевъ беретъ подъ свою неумѣлую защиту „Санина“ г-на Арцыбашева. Отвергая почти единодушные отзывы критики, не пожелавшей (и правильно!) проводить различіе между порнографіей упомянутыхъ господъ и порнографіей г-на Арцыбашева, г-нъ Дмитріевъ противопоставляетъ критикамъ, отличающимся „бойкостью пера“, но не обнаружившимъ „сколько нибудь серьезнаго отношенія къ литературѣ“, отзывы столь „серьезной“ прессы, какъ „Биржевыя Вѣдомости“ и „Новости Дня“. Заставь г-на Дмитріева богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ! Пикантность этой неудачной апологіи „Санина“ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г-нъ Арцыбашевъ завѣдуетъ беллетристическимъ отдѣломъ того самаго журнала „Образованіе“, въ которомъ упражняется г-нъ Дмитріевъ. „Собственный критикъ“ его степенства пересаливаетъ.

хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Аль любить ее грѣхъ? *Это у васъ такъ?* Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она и сдѣлана, чтобы ее любить, да на нее радоваться". Таково это примитивное сознаніе, которое, какъ это часто бываетъ въ исторіи, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и недосягаемымъ идеаломъ для послѣдующихъ періодовъ. Но можно-ли признать, чтобы этотъ идеалъ оказался по плечу современнымъ проповѣдникамъ „стихійности" и непосредственности, нынѣшнимъ поклонникамъ веселаго, жизнерадостнаго Ярилы? тѣмъ самымъ неврастеникамъ-мѣщанамъ, которыхъ такой же, какъ они, стихотворецъ охарактеризовалъ въ слѣдующемъ отрывкѣ (напоминающемъ, впрочемъ, не поэзію, а плохую газетную прозу):

„Человѣчекъ современный, низкорослый слабосильный,
„Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
„Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
„Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ"?

Въ состояніи ли вообще современное общество, насквозь пропитанное лицемѣріемъ и извращенностью половыхъ отношеній, общество, въ которомъ проституція во всѣхъ формахъ возведена въ рангъ нормальнаго института, въ которомъ рабство женщины обусловливаетъ порабощеніе ея владыки-мужчины, въ которомъ естественные инстинкты и чувства систематически подавляются и искажаются во имя основныхъ его устоевъ, въ состояніи-ли такое общество не то что разрѣшить, но даже правильно поставить вопросъ о полѣ? Тѣмъ паче, могутъ ли правильно поставить и освѣтить его декаденты, являющіеся выразителями даже не прогрессивныхъ, а отмирающихъ сторонъ

этого общества, проникнутые настроеніемъ и психологіей наиболѣе разложившихся его слоевъ, впитавшіе въ себя всѣ зловонныя испаренія этого стоячаго мѣщанскаго болота? И дѣйствительно, подъ предлогомъ новыхъ словъ декаденты произносятъ старыя, слишкомъ старыя слова; подъ предлогомъ бунта противъ предразсудковъ современности они воскрешаютъ наиболѣе уродливыя стороны умершихъ цивилизацій, въ Ерошкинскій періодъ человѣческой исторіи, быть можетъ, совершенно естественныя и морально безразличныя, если даже не похвальныя, но въ наше время отдающія отвратительнымъ запахомъ могильнаго тлѣна; подъ предлогомъ борьбы съ лицемѣріемъ правящаго класса они даютъ намъ апологію класса еще болѣе реакціоннаго и морально болѣе павшаго. На мѣсто психологіи трезвеннаго мѣщанства они пытаются подставить психологію пьяныхъ феодаловъ, гвардейскихъ офицеровъ, лумпенпролетаріата и распущенной богемы. Отъ проповѣдуемой ими любви нестерпимо разитъ конюшней и низкопробнымъ лупанаромъ.

Въ современномъ буржуазномъ обществѣ половыя отношенія извращены до крайней ненормальности. Скученность гигантскихъ массъ населенія на сравнительно узкомъ пространствѣ въ большихъ городахъ сама по себѣ создаетъ ненормальныя условія жизни. Развитіе деревенскаго отхода бросаетъ въ городъ массу молодыхъ крестьянокъ и ставитъ ихъ въ положеніе, легко допускающее соблазнъ и развращеніе, и въ то же время стягиваетъ сюда толпы деревенскихъ пролетаріевъ, лишенныхъ возможности вступить въ бракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находящихся въ расцвѣтѣ физическихъ силъ. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ ростъ милитаризма, сосредоточивающій въ казармѣ сотни тысячъ цвѣтущей молодежи, поставленной при

этомъ въ самыя ненормальныя условія. Возрастаніе риска и необезпеченности существованія дѣлаетъ для массы населенія невозможнымъ заключеніе раннихъ браковъ, а то и семейную жизнь вообще. Въ особенности это вѣрно относительно той же мелкой буржуазіи, класса, привыкшаго къ извѣстному комфорту и опасающагося терній брачнаго сожительства,—настолько вѣрно, что въ мелкобуржуазной Франціи наблюдается даже пріостановка въ ростѣ народонаселенія и уменьшеніе его численности. Zweikindersystem, двухдѣтная система, вліянію которой приписываютъ это явленіе, начинаетъ распространяться не только въ городѣ, но и въ деревнѣ, среди живущаго патріархально-религіозными традиціями крестьянства. Такимъ образомъ складывается все болѣе расширяющаяся прослойка мужчинъ и особенно женщинъ, лишенныхъ всякой возможности дать нормальное удовлетвореніе глубокимъ, вкоренившимся въ теченіе тысячелѣтій инстинктамъ, половому и семейному. Развивается интенсивное напряженіе этого могучаго инстинкта, обостряющееся по мѣрѣ его заглушенія и подавленія. На этой почвѣ возникаютъ различныя формы истеріи, въ томъ числѣ истеріи половой, переходящей въ эротоманію. Этому содѣйствуетъ цѣлый рядъ сопутствующихъ причинъ, куда относятся и современная система воспитанія, и сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ высшихъ классовъ, ведущее къ ихъ пресыщенію и дающее имъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, даже самымъ противуестественнымъ, и обѣднѣніе широкихъ массъ населенія, выталкивающее на рынокъ любви массу женщинъ, которыя дѣлаются легкой жертвой и пресыщенной буржуазіи, и развратной аристократіи, и огрубѣлой солдатчины, и безбрачной мелкобуржуазной молодежи. Въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ и общая нервность и истерія вѣка, и общій моральный и психи-

ческій распадъ, отражающійся съ особенной силой на мелкобуржуазной молодежи по причинамъ, о которыхъ говорилось выше. Старая традиціонная мораль, основанная въ значительной степени на религіозныхъ нормахъ, была подорвана вмѣстѣ съ ослабленіемъ суевѣрій, но на смѣну ей, въ этой мѣщанской средѣ, не успѣла выдвинуться новая мораль, мораль соборнаго содружества и коллективнаго труда, та система нравственности, которая быстро распространяется среди пролетаріата и его идеологовъ и предохраняетъ ихъ отъ заразы общей болѣзнью неврастеническаго періода.

Декаденты услужливо пошли навстрѣчу этой потребности въ головныхъ эротическихъ впечатлѣніяхъ, которыя для многихъ и многихъ замѣняютъ въ настоящее время естественныя половыя впечатлѣнія, являясь въ этомъ смыслѣ чѣмъ-то вродѣ духовной мастурбаціи. Конечно, эротическіе мотивы разрабатывались въ литературѣ и до выступленія декадентовъ. Такой характеръ въ значительной мѣрѣ носила, напр., французская литература въ до-революціонный періодъ; тогда она служила дворянству и куртизанамъ, съумѣвшимъ, какъ никто, разработать и углубить „науку страсти нѣжной". Аристократія, избавленная отъ заботъ о снисканіи средствъ къ существованію и даже почти совершенно свободная отъ какого либо непосредственнаго участія въ процессѣ матеріальнаго производства, можетъ на всей своей волѣ предаться вышиванію самыхъ замысловатыхъ узоровъ на извѣчной канвѣ властнаго біологическаго чувства. Это свойство она передала и буржуазіи, которая выступила въ качествѣ ея историческаго преемника. Когда буржуазія еще находилась въ оппозиціи и только боролась за политическую власть и за экономическое преобладаніе, въ ея психологіи выдѣлялся мотивъ естественности, „добродѣтели" (добродѣтельный Робес-

пьеръ), чистоты въ видѣ протеста противъ аристократической „испорченности". Но по мѣрѣ того, какъ она, добившись преобладающаго положенія въ обществѣ, сама начала все болѣе становиться классомъ-паразитомъ, она заимствовала у ненавистной аристократіи тѣ черты, за которыя буржуазные идеологи нѣкогда ее громили,—ханжество и (обратную сторону той же медали) эротику. Но въ отличіе отъ до-революціоннаго періода эротика въ развитомъ буржуазномъ обществѣ въ силу цѣлаго ряда опредѣленныхъ соціальныхъ факторовъ (на нѣкоторые изъ нихъ мы бѣгло указали) принимаетъ массовый характеръ.

Впрочемъ, средній буржуа, филистеръ, на котораго декаденты валятъ всѣ шишки, въ глубинѣ души сознаетъ всю омерзительность своей „реабилитаціи плоти" и во всякомъ случаѣ не рѣшается выставлять на всеобщее позорище своихъ похожденій, естественныхъ или ненормальныхъ. Онъ грѣшитъ, но не считаетъ своихъ мерзостей геройствомъ; по крайней мѣрѣ, онъ таковымъ ихъ не объявляетъ. Только въ пьяномъ видѣ или для крайняго озорства онъ рѣшается выскочить нагишомъ на улицу или пройтись по городскому мосту въ чемъ мать родила. И только декаденты, эти идеологи эпохи морально-эстетическаго распада, посмѣли провогласить самую пошлую „клубничку" героическимъ бунтомъ противъ мѣщанской нравственности и „новымъ словомъ" въ морали. Ихъ попытка прикрыться при этомъ увѣнчаніи клубнички традиціей жизнерадостной Эллады производитъ и комичное, и отвратительное по своему лицемѣрію впечатлѣніе. Французскій чиновникъ Гюисмансъ и россійскій Кузминъ, живописующіе содомскій грѣхъ, такъ же мало похожи на Алкивіада и царя Леонида съ его тремястами спартанцевъ, какъ Катуллъ Мендесъ, воспѣвающій сожительство брата съ сестрой, на царя изъ династіи

4

Инковъ или г-жа Зиновьева-Аннибалъ, воспѣвающая лесбійскую любовь, на древне-греческую поэтессу. Ерошкино поведеніе не соотвѣтствуетъ у этихъ испорченныхъ дѣтей разлагающейся буржуазной цивилизаціи Ерошкину міросозерцанію и Ерошкиной убѣжденности въ своей естественности и правотѣ. И вотъ почему декаденты, съ причмокиваніемъ и сюсюканіемъ предпринявшіе свой крикливый походъ Аргонавтовъ для реабилитаціи плоти и мнящіе себя піонерами, прокладывающими новые пути, на самомъ дѣлѣ носятъ тлѣнъ смерти въ душѣ своей: они ниже филистеровъ, противъ мѣщанскаго лицемѣрія которыхъ они возстаютъ, будучи сами заражены гораздо большимъ лицемѣріемъ, пороки которыхъ они громятъ, проповѣдуя и прославляя гораздо бо̀льшую порочность; они вмѣстѣ съ тѣмъ ниже Ерошки, до звѣрской естественности и непосредственности котораго имъ далеко, какъ небу до земли, простота и элементарность котораго остается для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Больныя дѣти больного вѣка, они предлагаютъ голодному, имѣющему наивность обращаться къ нимъ за указаніями, камень вмѣсто хлѣба, и выдаютъ босяцко-аристократическую чувственность за лекарство отъ болѣзни буржуазно-мѣщанскихъ предразсудковъ.

И при всемъ томъ декаденты самаго высокаго о себѣ мнѣнія. Хвастовство этихъ господъ, пока еще не обогатившихъ умственной сокровищницы человѣчества, вошло въ поговорку. Эту черту декадентовъ, стяжавшую имъ со всѣхъ сторонъ (даже въ собственномъ лагерѣ) заслуженныя насмѣшки, можно было бы назвать маніей величія, еслибы это трагическое слово позволительно было примѣнять къ такому банальному явленію. Послушать декадентовъ, такъ всѣ они крупнѣйшіе таланты и геніи, правда, непризнанные геніи. У Гюре въ его анкетѣ приводится отзывъ

одного декадента, перечисляющаго выдающихся геніевъ, характеризующихъ свою эпоху: это Моисей, Эсхилъ, Виргилій, Данте, Рабле, Шекспиръ, Гете, Флоберъ и Лафоргъ! (Для читателя, впервые услыхавшаго про существованіе такого генія, „характеризующаго свою эпоху“, скажемъ, что французъ Жюль Лафоргъ, родившійся въ 1860 и умершій въ 1887 г., былъ однимъ изъ самыхъ посредственныхъ декадентскихъ мистиковъ-виршеплетовъ). Сенъ-Поль-Ру, основатель „школы“ маньификовъ, самъ далъ себѣ прозвище „Великолѣпный“. Каждый изъ декадентовъ, набравши 2—3 послѣдователей въ силу правила, что самый глупый человѣкъ всегда найдетъ пару еще большихъ дураковъ, которые будутъ ему поклоняться, основываетъ свою школу. Одинъ изъ такихъ декадентскихъ пророковъ, основатель школы „эволюціоннаго инструментизма“, Ренэ Гиль, въ списокъ своихъ послѣдователей внесъ цѣлый рядъ писателей, которые ничего еще не написали: „Марсель Батилья, который скоро издастъ превосходную раціональную поэму; Александръ Бурсонъ, готовящій произведенія, проникнутыя эволюціонной идеей съ соціальной точкой зрѣнія“, и т. д. (кстати, этотъ Бурсонъ не кто иной, какъ нынѣшній депутатъ Зеваэсъ, „независимый“ соціалистъ и крайне антипатичный субъектъ). Но такими пустяками господа декаденты не смущаются. Вѣдь къ Малларме они, какъ мы видѣли, относились какъ къ великому вождю, несмотря на то, или вѣрнѣе, именно потому, что онъ не написалъ „великаго творенія“, котораго отъ него ждали. Русскіе сверхчеловѣки стараются и въ этомъ отношеніи не отстать отъ своихъ европейскихъ учителей. Эротоманъ и демонистъ Бальмонтъ, объявлявшій: „высшимъ знакомъ я отмѣченъ“, позволилъ себѣ сказать: „предо мной *всѣ* поэты предтечи“. Такія же горделивыя заявленія, граничащія съ мистификаціей,

4*

дѣлали и другія декадентскія знаменитости вродѣ Гиппіусъ, Брюсова, Сологуба и tutti quanti. Объявить Гёте, Шекспира, Байрона, Пушкина, Лермонтова предтечами г-на Бальмонта— дальше этого идти некуда, кромѣ какъ въ гидропатію.

Но дѣйствительно ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искреннимъ самохвальствомъ, съ извѣстнаго рода душевной болѣзнью? Конечно, современная истерія и неврастенія способны настолько извратить въ людяхъ чувство красоты и мѣры, что нѣкоторые декаденты, быть можетъ, вполнѣ добросовѣстно вѣрятъ въ то, что ихъ несуразныя по формѣ и содержанію произведенія стоятъ дѣйствительно выше твореній великихъ геніевъ. Чувства и формы, соотвѣтствующія героическому періоду буржуазіи, могутъ казаться устарѣлыми и неэстетичными изломаннымъ представителямъ эпохи буржуазнаго декаданса. Но при всемъ томъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что добрую долю декадентскаго самохвальства и шума, поднятаго „литературными буланжистами“ (отзывъ Гонкура), слѣдуетъ приписать самому вульгарному стремленію добиться извѣстности хотя бы путемъ скандала, желанію создать себѣ рекламу во что бы то ни стало. Говоря словами Нѣмоевскаго объ одномъ изъ типичнѣйшихъ модернистовъ, Ст. Пшибышевскомъ, декаденты создали „теорію скандала“.

Въ оправданіе ихъ можно сослаться только на ограниченность искусства, вынуждающую декадентскихъ эпигоновъ пускаться на самыя рискованныя, чисто геростратовскія средства для снисканія извѣстности въ мірѣ идейнаго творчества. Имѣетъ ли искусство свои, точно опредѣленныя границы? Исчерпаемы ли его темы? Или же оно можетъ вѣчно творить изъ себя новую жизнь, подобно матери-Изидѣ? Поскольку искусство изображаетъ дѣйствительную жизнь, вѣчно текущую и измѣн-

чивую, постольку оно не можетъ исчерпать себя, постольку оно является вѣчнымъ и безграничнымъ. Однимъ словомъ, поскольку въ немъ пробивается общественно-описательная сторона, до тѣхъ поръ оно безпредѣльно и не можетъ изжить себя, тѣмъ болѣе, что развитіе новыхъ общественныхъ отношеній, вносящее глубокія измѣненія въ бытіе и психику старыхъ классовъ и выдвигающее на авансцену исторіи новые соціальные элементы, доставляетъ ему обширный матеріалъ, изъ котораго оно можетъ черпать полными пригоршнями. Вотъ почему передъ романомъ открыто по прежнему широкое поле. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми областями искусства, которыя носятъ по преимуществу индивидуальный характеръ и въ которыхъ преобладаютъ мотивы личныхъ переживаній. Сюда относится описаніе природы, точнѣе, тѣхъ впечатлѣній, которыя созерцаніе природы производитъ на душу человѣка; въ особенности же сюда относится область внутреннихъ чувствованій и борьба страстей, область лирики и трагедіи. Въ этой области послѣ великихъ геніевъ и „тайновидцевъ плоти" новымъ художникамъ приходится довольно трудно; въ этой области почти невозможно удержаться отъ повтореній давно сказаннаго, отъ перепѣвовъ старыхъ мотивовъ.

Конечно, и литература въ той своей части, которая посвящена описанію природы, можетъ эволюціонировать, хотя бы потому, что воспринимающая ее человѣческая природа подвержена закону безостановочной эволюціи. Наша душа, какъ явленіе соціальное и историческое по существу, представляетъ продуктъ продолжительнаго развитія; наша психика все болѣе усложняется, обогащается и утончается. Соотвѣтственно этому процессу развитія расширяется и интенсифицируется область воспріятій, область впечатлѣній, получаемыхъ нами отъ при-

роды; въ болѣе рафинированной и богатой психикѣ современнаго человѣка созерцаніе природы преломляется въ нѣсколько иномъ и болѣе сложномъ видѣ, чѣмъ въ прежнее, болѣе простое и непосредственное время. И дѣйствительно, декаденты устремились съ особенной охотой въ область описанія воздѣйствія, которое вѣчно юная природа оказываетъ на душу людей. Но мы никакъ не можемъ допустить, чтобы душа модерниста была болѣе тонкой и способной къ воспріятію красотъ природы, чѣмъ душа Шелли, Пушкина, Гете, чтобы для Метерлинка, Малларме или Бальмонта звѣздная книга была болѣе ясна, чѣмъ для Шиллера, Толстого или Лермонтова, чтобы морская волна говорила съ ними интимнѣе, чѣмъ съ титанами міровой поэзіи. Въ области нормальныхъ, общечеловѣческихъ воспріятій природы декаденты не могли дать больше, чѣмъ намъ дали старые гиганты искусства. Но поскольку рѣчь идетъ о преломленіи природы въ разстроенныхъ и отравленныхъ умахъ, о впечатлѣніи, производимомъ ею на изломанную и издерганную душу неврастеника, о совершенно неожиданныхъ реакціяхъ разстроеннаго мозга и измочаленнаго сердца на зовъ великой матери-природы, постольку модернисты дали кое-что свое, но это декадентское „свое“ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру ихъ литературной дѣятельности, т. е. отраженію морально-художественнаго распада и разброда. Конечно, пряный привкусъ и рѣзкій запахъ „въ тиши отстоенныхъ отравъ“ способенъ сильно дѣйствовать на чувства современнаго надломаннаго горожанина; пресыщенный и пессимистически настроенный буржуа можетъ упиваться утонченной поэзіей мистическаго модерна, напоминающей утонченныя формы самоубійства, къ которымъ прибѣгали римляне эпохи упадка (см. выше отзывъ Дешана о Роденбахѣ); ко-

нечно, скорбный плачъ декадентской музы надъ разбитыми идеалами, въ которомъ слышится унылое рыданіе осенняго вѣтра, срывающаго листья съ деревьевъ, находитъ сочувственный откликъ въ смущенной душѣ умирающихъ общественныхъ слоевъ. Въ остальномъ же декадентская поэзія представляетъ слабые, неудачные и надуманные перепѣвы великихъ пѣсенъ, но эти перепѣвы звучатъ фальшиво, какъ наигрываніе мелодіи великаго композитора на разбитомъ дребезжащемъ роялѣ, какъ пародія балаганнаго паяца, изображающаго трагедію великаго автора, какъ пиръ во время чумы, какъ кургузый фракъ на мощномъ бронзовомъ тѣлѣ здороваго варвара-кафра.

То же самое, и быть можетъ—въ еще сильнѣйшей степени, можно сказать про изображеніе великихъ, элементарныхъ человѣческихъ страстей. Конечно, гнѣвъ, властолюбіе, любостяжаніе, любовь, ревность и ненависть—это явленія, которыя далеко не остаются равными себѣ на всемъ протяженіи человѣческой исторіи; конечно, и здѣсь законъ эволюціи и видоизмѣненія остается въ полной силѣ. Однако, эти общія человѣческія страсти, особенно въ своемъ высшемъ напряженіи, въ своемъ пароксизмѣ, какими ихъ и беретъ трагедія, настолько просты въ своей стихійности и всеобщности, что трагедія грековъ и классическихъ драматурговъ вродѣ Шекспира, Шиллера, Гете дала въ этой области почти исчерпывающую художественную разработку. Что можно сказать о ревности болѣе художественно-убѣдительнаго и сильнаго послѣ Отелло? что можно сказать о любви, коварствѣ, честолюбіи и пр. послѣ безсмертныхъ произведеній, извѣстныхъ теперь всякому грамотному человѣку? Я говорю: „что можно сказать?“, особенно имѣя въ виду мнѣніе модернистовъ, напр., Метер-

линка, гласящее, что художественной разработкѣ подлежатъ не темы и типы текущей дѣйствительности, а перипетіи „вѣчныхъ“ человѣческихъ чувствъ, какъ любовь, ревность, гнѣвъ и т. д. Въ этомъ отношеніи индивидуалистическая шуйца модернизма обрекала его почти на полное безплодіе. Убѣгая отъ художественнаго воспроизведенія текущей дѣйствительности, поддаваясь тому страху жизни и реальности, который присущъ умирающимъ соціальнымъ элементамъ, въ особенности отказываясь отъ художественной разработки историческаго дѣйствія массъ, все болѣе становящагося центральнымъ явленіемъ переживаемой эпохи, однимъ словомъ—замыкаясь въ „башню изъ слоновой кости“, декаденты волей-неволей отрѣзывали себя отъ общенія съ идеей современнаго историческаго момента и придавали своему творчеству абстрактный, экзотическій характеръ. Только одну тему они разрабатывали въ своей трагедіи съ особенной охотой, а именно—мысль о неизбѣжномъ рокѣ, властно нависшемъ надъ существованіемъ человѣка, о неминуемой гибели и безплодности душевныхъ порывовъ. Послѣ всего вышесказаннаго это явленіе представляется намъ совершенно естественнымъ.

Кромѣ того буржуазное искусство получило сильный ударъ еще съ другой стороны. Соціализмъ подорвалъ, чтобы не сказать—убилъ вѣру въ провиденціальное значеніе свободы личности, воспѣваніе которой дало намъ высочайшіе образцы поэзіи, какъ въ твореніяхъ Байрона, Шиллера, Гюго и другихъ великановъ литературы. Этимъ же духомъ міроборства съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность проникнуты были вообще творенія крупнѣйшихъ представителей старой литературной школы. Съ распространеніемъ соціалистическихъ идей исчезла паивная вѣра въ свободу, какъ единую разумную

устроительницу міра. Въ настоящее время истиннымъ великимъ поэтомъ можетъ быть только художникъ съ широкими соціальными симпатіями; иначе его эстетическое чувство постоянно приходило бы въ конфликтъ съ его соціально-политическимъ убожествомъ. И дѣйствительно, крупнѣйшіе художники современности, Гауптманъ, Горькій, Золя въ послѣдній періодъ своей жизни, Анатоль Франсъ, Мирбо, Э. де-Амичисъ, болѣе или менѣе опредѣленно выражали сочувственное отношеніе къ борьбѣ и надеждамъ рабочаго класса. И въ этомъ пунктѣ декаденты снова очутились въ неблагопріятномъ положеніи. Ихъ игра въ „духовный аристократизмъ" связывала ихъ по рукамъ и ногамъ. Искусству, въ значительной степени успѣвшему исчерпать вопросы личной психологіи и семейныхъ отношеній, приходилось теперь обратиться къ художественному изученію коллективной психологіи и дѣйствія массъ. Въ этой области крупные образцы, къ сожалѣнію, носившіе характеръ лишь талантливыхъ намековъ на будущую литературу, дали намъ Золя („Жерминаль", „Трудъ"), Гауптманъ („Ткачи"), отчасти Мирбо („Злые пастыри"). Но въ общемъ и цѣломъ пишущая братія, связанная своимъ буржуазнымъ происхожденіемъ и настроеніемъ, ушла въ сторону отъ этой великой надвигающейся проблемы. Особенно повинны въ этомъ устремленіи назадъ модернисты, поднявшіе во всѣхъ областяхъ—философской, литературной и критической—знамя бунта противъ вторгающейся на арену жизни демократіи. Ватой мистики и индивидуализма они пытались заткнуть свои „аристократическія" уши, чтобы не слышать профанирующаго шума толпы, чтобы укрыться отъ кипѣвшей вокругъ нихъ политической и соціальной борьбы; они полагали, что общественно-политическій индифферентизмъ можетъ благопріятствовать поэтиче-

скому творчеству. Вмѣстѣ съ Оскаромъ Уайльдомъ они провозглашали, что „воспріимчивость къ краскамъ и цвѣтамъ для развитія человѣка гораздо важнѣе, чѣмъ понятіе о правѣ и безправіи“. Но этимъ они наносили себѣ смертельный ударъ, ибо политическіе и общественные интересы рождаютъ великія страсти, а послѣднія, какъ и гнѣвъ, дѣлаютъ поэтовъ. Такимъ образомъ соціальному чувству декаденты въ эпоху, характеризующуюся „идеей четвертаго сословія“, противопоставляли мертвящую догму эстетическаго индивидуализма, въ нашъ вѣкъ болѣе безплоднаго въ художественномъ отношеніи, чѣмъ когда либо. А это естественно принуждало ихъ обратиться къ области чисто-личныхъ мелкихъ и тонкихъ душевныхъ переживаній. Здѣсь же, какъ мы видѣли, сказалось вліяніе больного вѣка и больного класса; здѣсь ихъ подстерегала безжалостная историческая Немезида, напитавшая запахомъ эфира сіявшую вокругъ нихъ солнечную атмосферу.

Въ этомъ смыслѣ они, какъ и все больное, заслуживаютъ не только суроваго осужденія, но и сожалѣнія. Жертвы собственныхъ предразсудковъ, они являлись вмѣстѣ съ тѣмъ жертвами исторіи, жертвами породившаго ихъ буржуазнаго общества. Но въ литературныхъ выступленіяхъ модернистовъ кромѣ болѣзненной неуравновѣшенности, паралича сдерживающихъ центровъ и болѣзненной извращенности, замѣчается еще другая сторона, свидѣтельствующая скорѣе объ ихъ здоровьѣ (мы имѣемъ въ виду физическое здоровье). Это самая беззастѣнчивая, необузданная и наглая реклама. Реклама — дитя вѣка и душа современной коммерціи. Реклама можетъ быть крикливой, глупой, несуразной—и тѣмъ не менѣе имѣть огромный успѣхъ. Болѣе того, чѣмъ она нелѣпѣе, несуразнѣе и крикливѣе, тѣмъ вѣрнѣе она достигаетъ своей цѣли—привлечь вни-

маніе публики, заинтриговать ее, огорошить, а затѣмъ, конечно, использовать. Реклама должна поражать зрѣніе, слухъ, воображеніе и даже здравый смыслъ; воспоминаніе о ней должно гвоздемъ засѣсть въ головѣ потребителя. Лучше всего, если ей удастся его не только заинтересовать, но даже взбѣсить и раздражить.

Таковъ законъ рекламы. Само собою разумѣется, что художники, жрецы искусства, прибѣгая къ кричащей рекламѣ, далеко не всегда преслѣдуютъ узко-матеріальныя цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ они стремятся къ болѣе идеальнымъ и высокимъ цѣлямъ, къ извѣстности, славѣ, къ привлеченію сторонниковъ идеѣ, которую они считаютъ вѣрной и хорошей. Но суть дѣла, по крайней мѣрѣ формально, отъ этого ничуть не измѣняется. Изъ продуктовъ fin de siècle'я декаденты, наряду съ истеріей и неврастеніей, усвоили еще и духъ необузданной рекламы, которая въ сущности сама по себѣ также является результатомъ этой истеріи вѣка, ожесточенной борьбы за существованіе, лихорадочнаго стремленія всякими правдами и неправдами застраховать себя отъ риска жизни. Въ торговлѣ послѣднимъ словомъ рекламы недавно еще считалась электрическая реклама, рекомендующая патентованную горчицу или зубную пасту съ помощью кинематографа, который демонстрируетъ передъ уличными зѣваками какую нибудь картинку соотвѣтствующаго содержанія. Декаденты пошли еще дальше. Они пустили въ ходъ духовную рекламу, задача которой сводится къ тому, чтобы путемъ воздѣйствія не столько на внѣшнія чувства, сколько на внутренній міръ читающей публики, путемъ извѣстнаго моральнаго „шока“, рѣзкаго и неожиданнаго удара по нервамъ, привлечь

вниманіе прохожихъ зѣвакъ къ своему литературному балагану, къ своей выставкѣ новаго искусства.

Для достиженія этой цѣли пускаются въ ходъ пріемы какъ внѣшніе, такъ и духовные. Первые сводятся къ особому выбору темъ и къ формѣ внѣшней разработки трактуемаго сюжета; вторые—къ посягательству на установленныя моральныя правила, къ провозглашенію небывалыхъ, уродливыхъ эстетическихъ и нравственныхъ нормъ. Тѣ и другіе связаны съ чрезмѣрной шумливостью и преднамѣренной экстравагантностью въ рѣчахъ и поступкахъ. Уже одни заглавія декадентскихъ твореній должны бросаться въ глаза и останавливать на себѣ вниманіе праздной толпы. „Оры. Кошница первая", „Зеленый Вертоградъ", „Мара-Марена", „Золотые вѣсы", „Ананке", „Киммерійскія сумерки", „Звѣзда-полынь", „Лѣсныя завѣсы", „Пѣвучій оселъ", „Горящія зданія", „Будемъ какъ солнце. Книга символовъ", „Только любовь. Семицвѣтникъ", „Литургія красоты. Стихійные гимны", „Chefs d'oeuvres. Сборникъ стихотвореній" „Me eum esse", „Tertia Vigilia", „Urbi et orbi", „Лимонарь", „Посолонь", „Лѣствица", „Золото въ лазури" и т. д., и т. п.—таковы эффектныя заглавія, стремящіяся ошеломить, изумить, поразить потребителя и зазвать его въ свою лавочку. Къ этому присоединяются вычурныя и нелѣпыя виньетки съ чертями, вѣдьмами, длинноволосыми женщинами, голыми вакханками и всякой другой несусвѣтной чепухой. Внѣшная форма не менѣе замѣчательна: декадентами стихи пишутся строчками то въ одно слово, то въ полтора аршина длиной; размѣръ и рифма намѣренно не соблюдаются (что кстати весьма удобно для бездарностей н лѣнтяевъ); неожиданные скачки мысли и самое неожиданное сочетаніе словъ, небывалые и неестественные эпитеты, анахронизмы и

вообще всяческія преднамѣренныя отступленія отъ исторической, географической и логической правды надоѣдливо пестрятъ въ твореніяхъ декадентовъ.

Подкладку рекламы составляетъ мода. Извѣстно, что какая нибудь свѣтская дама предпочтетъ захворать опасной болѣзнью, чѣмъ быть одѣтой не по послѣдней модѣ. Здѣсь пустота, тщеславіе и стремленіе къ новизнѣ, свойственное нашей эпохѣ быстрыхъ превращеній, подаютъ другъ другу руки. „Великіе" портные, верховные законодатели модъ, изощряютъ всю свою изобрѣтательность, напрягаютъ всѣ силы своего ума, чтобы придумать какой нибудь новый фасонъ шляпки, новый покрой платья или жакетки. Но человѣческая фантазія не неисчерпаема, и великимъ законодателямъ грозитъ опасность впасть въ повторенія. Чтобы парализовать такой ужасный рискъ, они тщательно перелистываютъ старые модные журналы, роются въ архивной пыли, разсматриваютъ средневѣковые фоліанты и такимъ образомъ комбинируютъ новые чертежи и фасоны. Какая нибудь свѣтская красавица, одѣтая по послѣднему слову портняжной науки, и не воображаетъ, что она носитъ такую шляпу, какую носили сто лѣтъ тому назадъ въ Англіи, и что ея модное платье скопировано, быть можетъ, изъ стараго журнала эпохи Іюльской монархіи.

Суетная мода ворвалась и въ область искусства. Ограниченность искусства принудила художниковъ и писателей обратиться къ изученію старинныхъ образцовъ и къ подражанію старымъ мастерамъ. Подобно „великимъ портнымъ", модные художники роются въ памятникахъ сѣдой старины, воскрешаютъ традиціи и формы средневѣковья и древней Эллады и настраиваютъ свои лиры на старинный ладъ*). Противъ

*) Тѣмъ болѣе, что съ ростомъ крупныхъ состояній ростетъ также

такого направленія художественныхъ интетересовъ, какъ противъ явленія совершенно законнаго, ничего нельзя было бы сказать, если бы оно не носило характера бѣгства отъ дѣйствительности, а съ другой стороны—не сопровождалось реакціонными по существу попытками противопоставить міросозерцаніе и мораль мертвыхъ стремленіямъ и запросамъ молодой, живой жизни **). Величайшіе поэты любили углубляться въ сѣдую даль

и спросъ на продукты такого искусства. Уэльсъ замѣчаетъ въ своихъ „Anticipations": „Оставаясь въ сторонѣ отъ всякой дѣятельности (что будетъ случаться очень часто), большинство изъ этихъ богачей почувствуютъ непреодолимое влеченіе къ архаическому и роскошному стилю, который будетъ казаться имъ квинтэссенціей искусства. Обладая просвѣщеннымъ умомъ, погруженные въ шедевры прошлаго и незнакомые съ потребностями своего времени, они будутъ склонны къ всевозможнымъ преувеличеніямъ, культивируя искусство, какъ нѣкое дополненіе къ жизни, какъ роскошную мозаику изъ воспоминаній, а не какъ потребность дѣйствительной жизни". См. Вандервельдъ, Соціализмъ и искусство.

**) Что въ основѣ исключительнаго интереса къ старинѣ лежитъ реакціонное по существу настроеніе, это давно извѣстно. Но вотъ любопытное признаніе „Новаго Времени", проливающее яркій свѣтъ на одну изъ причинъ нынѣшняго увлеченія „фольклоромъ": „Но пришли Портъ-Артуръ и Цусима, и грохотъ маузеровъ, браунинговъ, бомбъ, адскихъ машинъ и пр. дьявольскихъ изобрѣтеній, которыми революціонеры посыпали всю страну отъ края до края, пробудилъ русское общественное самосознаніе... И наше общество, которое еще такъ недавно всю русскую исторію готово было разсматривать сквозь очки автора „Исторіи города Глупова", вспомнило о славянофилахъ. Оно почувствовало вдругъ, что въ Россіи были не только городничіе, знавшіе одно слово „запорю!", но были „Мономахи" и „Мудрые", Сильвестры, Минины, Гермогены, Филареты и цѣлый сонмъ князей, воиновъ и святыхъ, собиравшихъ русскую землю, скрѣплявшихъ ее своей жизнью и кровью, освящавшихъ молитвами, просвѣщавшихъ ученіемъ и идеалами. Вспомнило это русское общество и вдругъ почувствовало, какъ ему все таки

вѣковъ и почерпать тамъ сюжеты для своего вдохновенія. Но равно предосудительны какъ стремленіе преподносить современникамъ прадѣдовскую мораль въ качествѣ отвѣта на запросы дѣйствительности, такъ и попытка приписать людямъ и дѣламъ далекаго прошлаго характеръ и окраску современности и такимъ образомъ исказить историческую дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ стремленіе спастись отъ треволненій дѣйствительности въ скиты средневѣковья, сосредоточить всѣ свои умственные интересы на культѣ Діониса и т. п. характерно для эпохъ реакціи. Такой характеръ носилъ романтизмъ, такой же характеръ имѣютъ и увлеченія многихъ писателей декадентской школы. И подобно легкомысленнымъ дамамъ, готовымъ на все, лишь бы не отстать отъ моды, широкіе слои читающаго мѣщанства стараются не прослыть отсталыми и жадно, съ раскрытымъ ртомъ ловятъ послѣднія „стилизованныя" слова художественной моды, мебель въ стилѣ „модернъ", какъ бы она ни была неудобна, картины въ стилѣ „модернъ", какъ бы онѣ ни были аляповаты и бездарны, литературу въ стилѣ „модернъ", какъ бы она ни была нелѣпа и подчасъ безграмотна.

Модѣ и рекламѣ во внѣшнихъ проявленіяхъ соотвѣтствуютъ модничанье и оргинальничанье внутреннее. Ясно, что значительная доля тѣхъ безпрестанныхъ вылазокъ противъ здраваго смысла, нормальныхъ чувствъ и нравственности, которыми пестрятъ произведенія декадентовъ, объясняется просто желаніемъ рекламировать себя во что бы то ни стало. Весьма возможно, что писатели, воспѣвающіе педерастію или скотолож-

---

дороги и русская исторія, и русская поэзія, эти былины, сказки, пѣсни вообще вся совокупность народнаго быта и уклада, который соціалисты хотятъ смахнуть, какъ мусоръ, и устроить жизнь „по Марксу" (№11.417, 23 дек. 1907 г.).

ство, сами въ дѣйствительности не способны на такія дѣянія; очень даже вѣроятно, что писательницы, восхваляющія лесбійскую любовь, въ дѣйствительности являются примѣрными супругами и вполнѣ мѣщанскими мамашами. Вѣдь заявлялъ же недавно во всеуслышаніе одинъ писатель-порнографъ, что онъ имѣетъ одну пару брюкъ и блюдетъ супружеское ложе нескверно. Особенно это примѣнимо къ нашимъ доморощеннымъ модернистамъ, этимъ лягушкамъ, надувающимся изо всѣхъ силъ, чтобы сравняться въ дородствѣ съ европейскими волами. Какъ остроумно замѣтилъ Михайловскій, „условія русской жизни не даютъ достаточнаго простора нашимъ декадентамъ и ницшеанцамъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ они просто смѣшны: напыщенныя рѣчи, глупые стихи, чисто словесная жестокость, мелкій и тоже больше словесный развратъ, грошъ аммуниціи при рублевой амбиціи, да и откровенность-то собственно вполголоса или въ интимномъ кругу единомышленниковъ"... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что по большей части всѣ эти неблаговидныя выходки, заимствуемыя писателями-модернъ изъ курсовъ психопатологіи и половой психопатіи, предназначены для того, чтобы „épater le bourgeois", заставить глупаго филистера ахнуть. Успѣхъ этихъ кривляній и сумасбродствъ въ извѣстной средѣ показываетъ, что усилія декадентовъ не пропадаютъ напрасно. И въ этомъ смыслѣ къ нимъ нельзя обратится съ щедринскими словами: „нѣтъ необходимости, мой другъ, столь вяще изломиться". Необходимость есть.

Съ этой точки зрѣнія декадентамъ-рекламистамъ рѣшительно безразлично, хвалятъ ли ихъ за несуразныя выходки или бранятъ. Послѣднее даже лучше, ибо привлекаетъ вниманіе скучающихъ зѣвакъ. Перифразируя извѣстное изреченіе римска-

го тирана „oderint dum metuant", они могли бы сказать: пусть насъ ругаютъ, лишь бы о насъ говорили, лишь бы читали! Читатель, слѣдящій за современными газетами, обратилъ, конечно, вниманіе на рекламы различныхъ „психологическихъ", „спиритическихъ" и вообще „кальвинистическихъ" издательствъ, а также разныхъ гешефтмахеровъ, преимущественно варшавскихъ, сулящихъ за 3 рубля чуть-ли не 300 предметовъ, стоющихъ чуть-ли не 3 тысячи, и вообще обѣщающихъ размѣнять грошъ на рубли. Съ усложненіемъ общества, съ ростомъ потребностей, съ разложеніемъ традиціонныхъ устоевъ возникаетъ въ крупныхъ центрахъ масса плутовскихъ профессій, промышляющихъ сбытомъ всяческихъ поддѣлокъ и вообще эксплуатаціей невѣжества и легковѣрія. Въ доброе старое время народная масса стояла въ сторонѣ отъ этихъ операцій, распространявшихся главнымъ образомъ на привилегированные круги, которыхъ обирали всякіе алхимики, фокусники, чернокнижники, астрологи и магнетизеры. Масса, предававшаяся грубымъ удовольствіямъ и не имѣвшая сложныхъ потребностей, служила объектомъ эксплуатаціи преимущественно для кабатчиковъ, шулеровъ и духовенства. Но по мѣрѣ демократизаціи общества, съ развитіемъ грамотности и печати, а значитъ, и рекламы, явилась возможность привлечь и широкія массы къ платежу дани въ пользу представителей плутовскихъ профессій. Начали въ широкомъ масштабѣ распространяться патентованныя средства,—морисоновы пилюли всякаго рода, излечивающія отъ подагры, чахотки, слабоумія, холеры, ревматизма, паралича, глухоты, слѣпоты и всѣхъ прочихъ болѣстей,— дешевые часы, граммофоны, кольца, брилліанты и пр., и пр. Такой же характеръ приняла, въ нѣкоторой своей модернизованной части, и литературная дѣятельность, опирающаяся на

5

легковѣріе публики, на рекламу заинтересованныхъ газетчиковъ и особенно на саморекламу. Конечно, литераторы этого рода не предлагаютъ даровыхъ граммофоновъ и бриллiантовыхъ булавокъ къ галстуху, но они сулятъ наивнымъ людямъ раскрытіе тайнъ жизни, ускользнувшихъ отъ суетной науки, открытіе новыхъ „угловъ души“ и новыхъ путей въ искусствѣ. А на повѣрку получаются тѣ же всеисцѣляющія микстуры изъ простой колодезной воды, тѣ же дешевые варшавскіе часы и американскіе бриллiанты. И самъ Верленъ, предтеча новѣйшаго декадентства, говоря о „шалостяхъ“ и „четырнадцатистопныхъ стихахъ“ символистовъ, характеризовалъ ихъ однимъ словомъ: „Реклама!“ А. Э. Гонкуръ выразился еще рѣзче. „Символисты—это недовольные, это люди, спѣшащіе добиться извѣстности. Это литературные буланжисты. Нужно жить! Нужно захватить мѣсто, добиться популярности, прослыть талантомъ. И вотъ они бьютъ въ барабаны“.

Глава III.

Русское декадентство.—Его происхожденіе.—Реакція 80-хъ годовъ. — Возрожденіе мистицизма.—Реакція противъ „служенія народу“.—Специфическія черты россійскаго модерна.—Бунтъ противъ „гражданскихъ мотивовъ“ въ литературѣ.—Положеніе русской интеллигенціи. — Отрыжка стараго барства. — Эпоха общественнаго подъема и его вліяніе на русскихъ декадентовъ. — Тріумфальное возвращеніе модерна въ эпоху реакціи. — Послѣднее слово россійскаго модерна. — „Реабилитація плоти“. — Безпримѣсная и идейная порнографія.—Попытки модернистовъ присосѣдиться къ освободительному движенію.—Декаденты и соціализмъ.—Декаденты и анархизмъ.—„Мистическіе анархисты“.—Каменскій, Кузминъ, Зиновьева-Аннибалъ, Сологубъ.

Русское декадентство выступило на сцену въ періодъ глухой политической и соціальной реакціи. Періодъ „розовой юности“ освободительнаго движенія, „хожденіе въ народъ“, смѣнился полосой болѣе энергичнаго и практичнаго бунтарства, которое въ свою очередь уступило мѣсто сверкающему метеору „Народной Воли“. Непродолжительная, но потрясающая схватка старой и молодой Россіи закончилась полной побѣдой правительства. Отчаяніе и вѣрный спутникъ его, скептицизмъ, охватили передовые слои русскаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ подняли головы индивидуалисты и реакціонеры всякихъ толковъ. Реалистическое настроеніе 60—70-хъ годовъ начало уступать мѣсто мистицизму и ханжеству; горячая пропаганда глубокихъ соціально-политическихъ преобразованій умолкла предъ проповѣдью „малыхъ дѣлъ“ и личнаго совершенствованія, какъ основной задачи момента и даже какъ единственной задачи вообще. Вмѣсто Лаврова, Михайловскаго, Елисеева и Щедрина законодателями умственной моды сдѣлались Достоевскій, Л. Толстой и В. Соловьевъ. Исчезъ великій Патроклъ революціи, а вмѣсто него на тронѣ общественнаго мнѣнія возсѣлъ косноязычный и уродливый Терситъ мелкой обыденщины и мистицизма. Про эту эпоху достаточно сказать, что ея моралистомъ былъ Суворинъ, а ея политикомъ—Катковъ!

Этотъ періодъ общественной и идейной реакціи, тянувшійся

отъ начала 80-хъ до середины 90-хъ годовъ, характеризовался воскрешеніемъ такихъ умственныхъ теченій, которыя, казалось, навѣки похоронены были матеріалистической и соціальной критикой двухъ предшествовавшихъ десятилѣтій. Оффиціальному провозглашенію традиціонной тріединой формулы реакціи „православіе, самодержавіе, народность“ шло навстрѣчу возрожденіе реакціонныхъ теченій въ средѣ широкихъ слоевъ самого общества. Мертвые встали изъ гробовъ и тлѣніемъ своимъ заражали воздухъ. Самыя нелѣпыя идеалистическія и мистическія системы выступали открыто, почти не встрѣчая никакого противодѣйствія. Притихшее было славянофильство и дикій націонализмъ подняли голову и нагло усѣлись на мѣстѣ, еще не остывшемъ отъ пламенныхъ призывовъ къ гуманности и общечеловѣческой солидарности; В. Соловьевъ, не вызывая гомерическаго хохота, съ самой серьезной миной проповѣдывалъ мысль о соединеніи церквей и объ установленіи всемірной теократіи путемъ объединенія свѣтскаго меча русскаго царя съ духовной палицей римскаго первосвященника; графъ Толстой пытался воскресить „истинное христіанство“ и, въ разгаръ ожесточенной ломки послѣднихъ остатковъ „великихъ реформъ“, предлагалъ растерянной интеллигенціи исправленное имъ Евангеліе въ качествѣ безспорнаго руководства для рѣшенія всѣхъ терзающихъ душу „проклятыхъ вопросовъ“. А на смѣну этимъ наивнымъ и благодушнымъ религіознымъ проповѣдникамъ уже шли скрытые іезуиты вродѣ Меньшикова и полупомѣшанные изувѣры вродѣ Розанова. Въ философіи противъ матеріализма и реализма открытъ былъ систематическій походъ, и съ разныхъ сторонъ уже доносились извѣстія о новоявленныхъ мощахъ угодниковъ, а магъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій уже творилъ чудеса и основывалъ свою іоаннитскую секту.

Вотъ среди какой затхлой атмосферы зародилось русское декадентство. Оно усердно копировало западные образцы, но подобно нашему правительству, усердно заимствующему у своихъ западныхъ собратьевъ все худшее, русское декадентство, подобно плохому ученику, заимствовало у своихъ наставниковъ наиболѣе отрицательныя ихъ свойства и развязно щеголяло бесмыслицей, ходульностью и аморальностью модернизма. Вдобавокъ, соціальная подоплека русскаго декадентства отличалась совершенно своеобразными чертами, а формальное сходство творчества русскихъ и европейскихъ модернистовъ еще рѣзче оттѣняло смѣхотворность потугъ россійскаго „модерна". На Западѣ декадентство отражало эстетическое и моральное разложеніе пресыщенной, издерганной, жаждущей сильныхъ и неизвѣданныхъ ощущеній буржуазіи; оно выражало ея протестъ противъ философскаго реализма, противъ натурализма, безпощадно разоблачавшаго ея распадъ, противъ засилья демократіи и соціализма, угрожавшаго самому ея существованію. У насъ буржуазія далеко еще не успѣла стать рѣшающей общественной силой, когда на арену выскочило растрепанное декадентство; наоборотъ, мѣщанство только начало складываться, только начало формировать свое міровоззрѣніе и свою мораль— и вотъ русское декадентство отражало его стремленіе отдѣлаться отъ „стыда", который сковывалъ его свободный размахъ, отъ „служенія народу", на которое его звали революціонные борцы, отъ „идейности" вообще, которая на разсматриваемой исторической стадіи способна была не содѣйствовать процессу его развитія, а скорѣе задержать его *). Отсюда

*) Помните, читатель, настроеніе описаннаго Г. Успенскимъ мѣщанина-интеллигента въ эпоху реакціи 80-хъ годовъ? „Мужикъ" надоѣлъ ему; куда бы онъ ни сунулся, вездѣ онъ натыкается на этого мужика:

попытка „возрожденія эстетики“, борьба съ „гражданскими“ мотивами въ литературѣ, съ альтруистической моралью, съ идеями долга и служенія интересамъ рода. Европейская буржуазія въ подготовительный періодъ своего формированія выдвинула въ области философіи и литературы великихъ революціонеровъ, смѣлой рукой низвергавшихъ идоловъ рутины и создавшихъ великіе поэтическіе образы, въ которыхъ демоническія страсти сочетались съ борьбой за свободу и за права человѣка. Но „чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ буржуазія становится все реакціоннѣе“; чѣмъ позже въ какой либо странѣ мѣщанство выступало на историческую арену, тѣмъ было оно дряблѣе, испорченнѣе и трусливѣе. Русская буржуазія позже всѣхъ выступила на сцену, когда на Западѣ буржуазія уже начала изживать себя, когда противъ нея началъ уже свое роковое наступленіе соціалистическій пролетаріатъ, когда она, отрекшись отъ духа своего героическаго періода, начала заключать все болѣе тѣсный, все болѣе интимный союзъ съ историческими силами прошлаго,—однимъ словомъ, когда вѣра въ буржуазный принципъ существованія была уже подорвана. Самосознаніе русской буржуазіи было такимъ образомъ отравлено въ самомъ зародышѣ. Она, можно сказать, вовсе не знала періода безмятежной вѣры въ свое историческое призваніе, увлеченія героической борьбой за права человѣка и гражданина; она быстрѣе всѣхъ другихъ обнаружила готовность къ компромиссу съ старыми правящими классами. И вотъ почему литература, утверждавшая нарожденіе

и въ литературѣ, и въ прессѣ, и дома, и на улицѣ. „Мужикъ! мужикъ! мужикъ! Нѣтъ; довольно! довольно! довольно! Дайте и намъ! дайте и намъ! и намъ!“. Теперь мужика замѣнилъ рабочій, пролетарій. Но сущность мѣщанскаго протеста противъ его „засилья“ не измѣнилась.

и бытіе мѣщанства, легко поддалась вліянію дореформеннаго міровоззрѣнія, жадно впитала въ себя пережитки феодальной психологіи. Ужъ если на Западѣ, съ его богатствомъ и блескомъ буржуазныхъ традицій, модернистская литература въ значительной степени была окрашена клерикально-аристократической примѣсью, то русское декадентство въ тѣмъ большей степени носило на себѣ печать дворянской реакціи противъ освободительнаго движенія. Вотъ почему, если приходится съ большой осторожностью относиться къ бурнымъ выпадамъ западнаго модернизма противъ филистерства, вскрывая въ нихъ, наоборотъ, явные слѣды мѣщанской психологіи и морали, то тѣмъ подозрительнѣе должны мы смотрѣть на выходки нашихъ декадентовъ противъ мѣщанства. Поскольку эти вылазки не являются простымъ фиглярствомъ и шумихой, безпочвеннымъ и безсодержательнымъ бунтомъ литературной богемы противъ всякой умственной дисциплины и моральной узды, онѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ отрыжкой стараго барства, не изжитаго еще русской жизнью помѣщичьяго періода. И не напрасно въ литературѣ россійскаго модерна упорно звучатъ полныя горькихъ сожалѣній воспоминанія о „родной старинѣ“, о патріархальномъ укладѣ и поэтическомъ уютѣ старыхъ „дворянскихъ гнѣздъ“.

Итакъ, къ общимъ культурнымъ и соціально-политическимъ условіямъ морально-психологическаго развала, подготовившаго и обусловившаго уродливыя выступленія европейскаго модернизма, въ Россіи присоединились особыя условія, придавшія нашему философскому и художественному декадансу его своеобразныя черты. Отсутствіе глубокихъ идейныхъ традицій и европейской выдержки, а также общая гражданско-культурная отсталость придали ему еще болѣе смѣшной и отталкивающій характеръ собачьей старости, справедливо сдѣлавшій его по-

смѣшищемъ юмористическихъ журналовъ. Но дѣланность, надуманность и вычурность русскаго декаданса не помѣшали ему сыграть свою разлагающую роль. Въ цивилизованныхъ странахъ западной Европы, гдѣ широкія массы населенія такъ или иначе втянулись въ политическую жизнь, гдѣ онѣ худо-ли, хорошо-ли умѣютъ выражать и защищать свои интересы, проповѣдь соціально-политическаго индифферентизма въ сильнѣйшей степени обезвреживалась и парализовалась интенсивностью общественнаго движенія и размахомъ политической жизни. Совсѣмъ не такъ обстояло дѣло въ Россіи, когда въ ней выступили модернисты, идеалисты и мистики; здѣсь предстояло еще создать свободныя условія гражданской жизни. Попытки оторвать интеллигенцію страны отъ соціальныхъ и политическихъ задачъ могли сыграть только въ руку реакціи, а модернисты, идеалисты и мистики могли представлять настроеніе только такихъ соціальныхъ слоевъ, которые заинтересованы были въ сохраненіи старыхъ устоевъ. Такими слоями и являлось помѣщичье дворянство и „купеческая“ полуазіатская буржуазія, не вышедшая еще изъ стадіи первоначальнаго накопленія. Первому „гражданская литература“ мѣшала *сохранить* свое пошатнувшееся господство, второй она мѣшала *подготовиться* къ грядущему владычеству.

Реакціонная эпоха снова подняла, казалось, давно уже рѣшенный жизнью и покрывшійся пылью временъ вопросъ о „чистомъ“ искусствѣ. Буржуазно-дворянская интеллигенція снова заговорила о своей „усталости отъ идейнаго искусства“. Мы не станемъ здѣсь разбирать этотъ споръ по существу, доказывать, что „чистаго“ искусства нѣтъ, что впечатлѣнія внѣшняго міра и общества преломляются сквозь призму настроенія даннаго художника, связаннаго тысячею нитей съ

родомъ, эпохой и классомъ, что признаніе „гражданскихъ мотивовъ“ въ искусствѣ отнюдь не равносильно требованію тенденціозности или непремѣннаго внесенія въ литературныя произведенія политической злобы дня. Все это давнымъ давно извѣстно, все это тысячу разъ было сказано и пересказано. Извѣстно также, что протестъ противъ „идейнаго искусства“ всегда усиливался въ эпохи реакціи и упадка, причемъ онъ исходилъ обыкновенно изъ рядовъ сытыхъ и довольныхъ. Защита „чистаго“ художества роковымъ образомъ связывалась съ реакціонными поползновеніями и симпатіями, а философскій и художественный „идеализмъ“ въ большинствѣ случаевъ противорѣчилъ идеализму практическому. Къ нападкамъ на политику въ литературѣ прибѣгали по большей части консерваторы, причемъ сами-то они никогда не могли удержаться отъ внесенія „политики“ въ свою литературную дѣятельность, но политики реакціонной: самые ярые адвокаты „идеалистическаго“ и „чистаго“ искусства на практикѣ оказывались величайшими мракобѣсами, націоналистами и человѣконенавистниками. И смѣло можно сказать, что если бы пресловутая троица „православіе, самодержавіе, народность“ нуждалась въ эстетическомъ дополненіи, то къ ней съ полнымъ правомъ слѣдовало бы прибавить: „и чистое искусство“. Въ этомъ смыслѣ модернистическій бунтъ противъ идейнаго искусства непосредственно примыкалъ къ дворянской реакціи противъ „гражданской“ литературы разночинцевъ, къ протесту людей 40-хъ годовъ противъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Въ лучшемъ случаѣ бѣгство отъ дѣйствительности означаетъ желаніе людей безвольныхъ и слабыхъ уйти отъ мерзостей жизни, въ которыхъ они не желаютъ принимать активнаго участія. По мнѣнію такихъ „лишнихъ людей“, задача фило-

софіи заключается не въ томъ, чтобы измѣнить міръ, и даже не въ томъ, чтобы понять его, а въ томъ, чтобы удалиться отъ него въ пустыню „сладкихъ вымысловъ“ и въ „возвышающемъ обманѣ“ найти спасеніе отъ „тьмы низкихъ истинъ“. Такъ обстояло дѣло съ революціонной фракціей романтиковъ, которая не могла примириться съ позоромъ Реставраціи, но которая въ окружающемъ ее обществѣ не могла найти элементовъ, способныхъ къ побѣдоносной борьбѣ съ возстановленнымъ во всей Европѣ, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, старымъ режимомъ. Но во второй половинѣ XIX вѣка дѣло измѣняется, и бѣгство отъ міра становится характернымъ для идеологовъ упадающей буржуазіи, у насъ—для людей, зараженныхъ настроеніемъ вымирающаго барства или инстиктивно отражающихъ рабскую психологію „чумазой“ и недорослой буржуазіи. Не потому, что нѣтъ революціонныхъ элементовъ, поэты спѣшатъ запереться въ „башнѣ съ семицвѣтными стеклами“, а потому, что этихъ элементовъ слишкомъ много, потому, что шумъ „улицы“ невыносимъ для тонкаго декадентскаго слуха, а „служенье музъ не терпитъ суеты“. Впрочемъ, одну поправку всетаки слѣдуетъ сдѣлать. Въ пестрой семьѣ модернистовъ, наряду съ людьми, зараженными психологіей барства, имѣются люди, проникнутые безнадежно-унылымъ настроеніемъ слабой соціальной прослойки, затираемой сверху и снизу могучими историческими силами реакціи, съ одной стороны, и революціи, съ другой. Таково въ Европѣ настроеніе писателей, проникнутыхъ психологіей мелкой буржуазіи. Въ Россіи роль, аналогичную съ ролью европейской мелкой буржуазіи, играетъ интеллигенція: та же неспособность собственными силами, безъ могучихъ соціальныхъ низовъ, добиться какихъ либо преобразованій, то же промежуточное по-

ложеніе между командующими классами и трудящимися массами, тотъ же рискъ существованія среди многомилліоннаго народа, предъявляющаго ничтожный спросъ на культурныя силы, тотъ же страхъ жизни, тотъ же индивидуализмъ существованія и дѣятельности, та же быстрая смѣна настроеній, тотъ же скачкообразный переходъ отъ революціонной жизнерадостности къ пессимистическому унынію, та же безсознательная готовность приспособлять свои чувства къ вѣяніямъ среди высшихъ классовъ, къ такъ называемому „духу времени". И вотъ люди, сконцентрировавшіе въ себѣ эти основныя черты „интеллигентской" духовной физіономіи *), естественно послужили почвой, на которой обильно возрасли ядовитыя сѣмена модернизма. Къ дѣйствію общихъ условій капиталистическаго строя и городской жизни на психику современнаго человѣка въ Россіи присоединяется еще деморализующее дѣйствіе жестокихъ правительственныхъ репрессій, духовной розни между образованными слоями и темной массой, тягость жизни, лишенныхъ всякихъ культурныхъ удобствъ, но усвоившей всѣ терніи цивилизаціи. Не даромъ пьянство составляетъ профессіональную болѣзнь русскаго писателя. Нигдѣ культурный человѣкъ, если только онъ не связалъ своей судьбы съ движеніемъ революціоннаго пролетаріата, не чувствуетъ себя такимъ затерявнымъ, одинокимъ и слабымъ, какъ въ Россіи, нигдѣ онъ не находитъ столько поводовъ къ искреннему, глубокому пессимизму, нигдѣ психологія унынія и безнадежности не находитъ такой подготовленной почвы. Но

*) Само собою разумѣется, что все сказанное выше не относится къ революціонной интеллигенціи, соединившей свои интересы съ судьбой трудящагося класса и воспринявшей отъ него здоровую психологію активности.

такія „идеалистическія“ стремленія, обусловленныя страхомъ жизни, желаніемъ отрѣшиться отъ скверны неприглядной дѣйствительности и въ тихомъ скитѣ индивидуализма справлять культъ холодной красоты, въ русскомъ декадентствѣ играютъ только самую слабую роль.

Въ общемъ же и цѣломъ это направленіе въ Россіи проникнуто было духомъ самоувѣренности и самодовольства. Съ лихорадочной торопливостью Ивановъ Непомнящихъ творцы „новыхъ линій“ поспѣшили отдѣлаться отъ стѣснявшаго ихъ „аристократическія“ причуды суроваго аскетизма радикальнаго Sturm- und Drang-period'а. Но лишенные прочныхъ культурныхъ традицій, напротивъ, еще полные воспоминаній барскихъ конюшенъ и дѣвичьихъ, русскіе декаденты быстро совлекли съ ссбя всѣ одежды и въ храмѣ литературы, еще недавно столь дѣвственномъ и строгомъ, устроили настоящій шабашъ вѣдьмъ, въ которомъ дѣятельное участіе приняли „дамы-писательницы“. Такова уже участь русской женщины; полная энтузіазма и увлеченія, беззавѣтно отдаваясь порывамъ своего глубокаго чувства, русская женщина-революціонерка неизгладимыми буквами вписала свое имя въ славныя страницы освободительной борьбы. А съ другой стороны, ея сестры à la Гиппіусъ, Лохвицкая и Зиновьева-Аннибалъ своими психопатологическими писаніями позорили, на противоположномъ полюсѣ общественной жизни, святое имя русской женщины. Быть можетъ, ни въ одной странѣ порнографическая струя модернизма не пробивалась съ такой силой, какъ въ Россіи; ни одинъ декадентскій писака не обходился безъ самыхъ разнузданныхъ и пошлыхъ выходокъ, безъ воспѣванія половыхъ извращеній, неестественныхъ формъ любви и всяческой мерзости. Въ концѣ концовъ эта нота половой психопатіи сдѣ-

лалась доминирующей въ хрюкающемъ хорѣ торжествующаго декадентства. И здѣсь, несомнѣнно, сказалось вліяніе стараго барства, воспоминанія крѣпостной эпохи, еще не совсѣмъ отошедшей въ исторію. На первомъ планѣ отличались, конечно, религіозные мистики, вродѣ Розанова.

Но мрачное лихолѣтье реакціи приходило къ концу. Въ воздухѣ запахло надвигающейся грозой обновленія. При первыхъ раскатахъ весенняго освободительнаго грома декадентская „нежить" и „нечисть" отпрянула назадъ, скрылась съ лица земли. Правда, гдѣ-то тамъ, на задворкахъ литературы, по прежнему служились литургіи декадентской красотѣ и свершались „черныя мессы" модернизма; но широкіе слои публики, которые еще недавно съ разинутыми ртами внимали декадентско-эротическимъ бреднямъ, узнали „другую пламенную страсть" и глубоко заинтересовались приближающимся политическимъ переворотомъ. Война внѣшняя и еще болѣе грозная и увлекательная война внутренняя создали боевое, жизнерадостное, оптимистическое настроеніе, насквозь проникнутое соціально-политическимъ реализмомъ; въ обществѣ возобладалъ практическій, дѣйственный идеализмъ, а для различныхъ формъ философскаго идеализма, мистицизма и прочей чертовщины въ сознаніи русскаго общества не оставалось мѣста. И даже многіе изъ вчерашнихъ жрецовъ модернизма рѣшили приспособиться къ измѣнившейся соціально-политической конъюнктурѣ, перестроить свои лиры на новый ладъ и гнусавымъ голоскомъ запѣть бездарныя пѣсни въ честь новаго владыки—пролетаріата. Правда, это было смѣхотворное и позорное зрѣлище, когда модернисты при свѣтѣ новой совѣсти начали слагать гимны въ честь „Пса Сторожевого", сирѣчь рабочаго класса, и своимъ фальшивымъ фальцетомъ не-

ктсати подтягивать могучему и свѣтлому хору возрождающейся русской жизни; но во всякомъ случаѣ это явленіе, при всемъ своемъ тошнотворномъ комизмѣ, было весьма характерно, какъ для революціонной эпохи, такъ и для „аристократовъ духа" и Колумбовъ, недавно еще открывавшихъ „новыя мозговыя линіи" въ сумасшедшемъ домѣ. Акціи декадентства не котировались на житейской биржѣ и почти совсѣмъ было исчезли изъ обращенія. Но модернизмъ, живучій, какъ и само буржуазное общество, долженъ былъ дождаться своего дня, долженъ былъ взять реваншъ. Правда, для этого ему пришлось дожидаться черныхъ дней реакціи.

Они наступили, эти черные дни. Схлынула революціонная волна. Великій народъ, ослабленный долгой неволей, раскинувшійся на оба полушарія, слишкомъ великій для того, чтобы быстро сконцентрировать свои силы и бросить ихъ на крѣпкіе окопы врага,—принужденъ былъ на время отступить. Испуганный было врагъ ожилъ, и чѣмъ смертельнѣе была блѣдность, покрывшая въ моментъ роковой опасности его одутловатыя щеки, чѣмъ сильнѣе страшился онъ тяжкой расплаты за всѣ свои дѣянія, тѣмъ страшнѣе была его месть, тѣмъ ожесточеннѣе была наступившая реакція. Въ противность французскому лозунгу, добрые граждане вострепетали, а злые ободрились и обнаглѣли. Тамъ, гдѣ вчера еще раздавалась гордая рѣчь свободныхъ людей, и горящіе огнемъ взоры дерзко бросали вызовъ старому міру, снова воцарился наглый произволъ торжествующихъ насильниковъ, мерзость запустѣнія. Чѣмъ ярче были звѣзды дней свободы, тѣмъ темнѣе и мрачнѣе казалась теперь безпросвѣтная ночь реакціи. Гордые и свободные люди снова скованы были цѣпями, и рабья психологія, казалось, умершая навсегда, воскресла,

окруженная сонмомъ сопутствующихъ ей міровоззрѣній. И общество, изъ жилъ котораго выпущена была самая горячая кровь, общество, у котораго отсѣчены были самыя свѣтлыя головы, снова впало въ маразмъ и отчаяніе. И тогда вся нечисть, убѣжавшая было отъ алой зари революціоннаго разсвѣта, прогнанная было звонкимъ крикомъ революціоннаго пѣтуха, закопошилась въ своихъ нечистыхъ норахъ и изъ тьмы кромѣшной выползла на свѣтъ божій. Сначала робко, а затѣмъ все сильнѣе, все безнаказаннѣе, и наконецъ, нагло усѣлась на неостывшемъ полѣ битвы, откуда еще не были даже убраны всѣ трупы павшихъ борцовъ.

Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Въ разбитомъ обществѣ воскресли различныя формы мистическаго идеализма. Возобновился интересъ къ религіознымъ вопросамъ,—вѣрный признакъ моральнаго упадка и политической реакціи. Вчерашніе революціонеры и атеисты начали толпами стекаться на засѣданія „религіозно-философскаго общества“ и тамъ съ попами и юродствующими во Христѣ іезуитами вести нескончаемыя и нелѣпыя пренія о всевозможныхъ „религіозно-нравственныхъ“ вопросахъ. Истерики революціи, всегда систематически платившіе дань преходящей модѣ, вчера увлекавшіеся декадентствомъ и символизмомъ, восторгавшіеся то Метерлинкомъ, то Ибсеномъ, начали создавать новыя религіи и примирять соціалъ-демократію съ вѣрой. Наконецъ-то создалось подходящая обстановка для тріумфальнаго возвращенія декадентства.

Разносчики, торгующіе оптомъ и въ розницу продуктами литературной истеріи, снова появились на базарѣ россійской

6

словесности. Въ первое время, когда казалось, что напоръ освободительной волны еще не исчерпалъ всей своей энергіи, они не прочь были присосѣдиться къ хорошей компаніи. Возникли издательства, пытавшіяся дѣлать хорошіе гешефты на сочетаніи революціи съ модернизмомъ, революціоннаго синдикализма съ порнографіей; но скоро дѣло пошло на чистоту, и революція была позорно изгнана отъ лица чистѣйшаго декадентства, даже въ его отвратительнѣйшей формѣ, въ формѣ чертобѣсія и черной магіи. Это значило, что, по мнѣнію декадентскихъ знахарей, революціи окончательно пришелъ карачунъ. При этомъ гешефтмахерскомъ подведеніи итоговъ учитывался, въ качествѣ важнаго для кармана литературныхъ торгашей обстоятельства, спросъ на книжномъ рынкѣ. „Биржа—вѣрнѣйшій барометръ революціи!" Тотъ самый рынокъ, который вчера еще требовалъ соціальной и политической литературы и притомъ въ наиболѣе боевой и усвояемой формѣ брошюры, требовалъ и не могъ насытиться предложеніемъ, теперь предъявляетъ все растущій спросъ на эротическую беллетристику и опять-таки въ ея наиболѣе боевой формѣ порнографическихъ писаній. „Публика требуетъ похабщины",—весело говоритъ, потирая потныя руки, юркій издатель и жадно загребаетъ льющіеся въ его карманы барыши.

На этотъ разъ ни о какихъ „новыхъ путяхъ" въ искусствѣ нѣтъ уже рѣчи. Похабщина—вотъ лозунгъ момента! „Новыя линіи"—это линіи женскаго тѣла, безстыдно обнажаемаго модернистскими пророками, быстро приспособившимися къ духу времени. Такого безшабашнаго разгула опьянѣвшей отъ долгой сдержки плоти русская литература еще не видала. Въ исторіи русской литературы были печальные періоды полной пришибленности, господства доносчиковъ и Подхалимовыхъ, админи-

стративныхъ скорпіоновъ и писательскаго „чего изволите“, но такого глубокаго паденія не было никогда. Бывали хуже времена, но не было подлѣй. Наша эпоха навсегда войдетъ позорной страницей въ исторію русской литературы. И потомки будутъ о ней говорить: моралистомъ этой эпохи были разоблачившійся Меньшиковъ, а поэтомъ ея—Кузминъ!

Пришли глухія времена.
Все захлеснула съ дикимъ ревомъ,
Все смыла въ натискѣ суровомъ
Разврата мутная волна...

Таковъ объективный фактъ: послѣ войнъ и революцій рождаемость усиливается; плоть, подавленная и сдерживаемая, вступаетъ въ свои права; природа какъ бы спѣшитъ наверстать упущенное, спинной мозгъ начинаетъ первенствовать надъ головнымъ, а низменныя страсти, результатъ инстинкта общественнаго самосохраненія, беретъ верхъ надъ правственными побужденіями и героическими стремленіями Такъ было, такъ будетъ. Такъ было, напримѣръ, во Франціи въ эпоху Директоріи, возникшей послѣ подавленія демократическаго якобинства и открывшей собою эру политической и соціальной реакціи. Съ одной стороны, дѣйствовалъ „бѣлый терроръ“ французской черной сотни. „Золотая молодежь“, вооруженная дубинами, нападала въ Парижѣ на якобинцевъ и избивала ихъ, а администрація, подъ предлогомъ защиты якобинцевъ отъ „народнаго гнѣва“, закрыла ихъ клубъ. Въ Ліонѣ, Роаннѣ и другихъ мѣстахъ черносотенцы врывались даже въ тюрьмы и убивали заключенныхъ тамъ „террористовъ“; суды оправдывали убійцъ, а въ театрахъ оправданнымъ погромщикамъ устраивали оваціи и вѣнчали ихъ вѣнками, какъ героевъ. Съ другой стороны, буржуа и дворяне весело праздновали свое освобожденіе отъ

6*

добродѣтельной строгости „неподкупныхъ“ монтаньяровъ и отъ суроваго аскетизма революціоннаго періода. Возвратившіеся на родину эмигранты и выскочки-мѣщане, разбогатѣвшіе во время революціонныхъ потрясеній, старались „пользоваться жизнью“, щеголяли самой наглой роскошью, устраивали самыя гнусныя оргіи. „Эти люди,—по свидѣтельству современниковъ,—заимствовали у стараго порядка все, что въ немъ было смѣшного и развратнаго, и пошли еще дальше въ томъ же направленіи; кромѣ заимствованной у старыхъ маркизовъ манеры говорить, они снова ввели въ моду балы, маскарады, масляничный карнавалъ и даже прогулки по Лоншану. Женщины, всегда склонныя къ подражанію и преувеличенію, выказывали не меньшее безстыдство: онѣ одѣвались на манеръ спартанскихъ дѣвушекъ и появлялись въ салонахъ едва прикрытія однимъ газовымъ платьемъ“. Это было время, когда мадамъ Тальенъ разгуливала почти голая по Елисейскимъ полямъ*), окруженная группой аристократическихъ щеголей въ нелѣпыхъ нарядахъ, демонстрируя передъ прохожими правильныя „линіи“ своего тѣла. Аналогичныя явленія повторялись и послѣ подавленія другихъ революцій (въ началѣ Второй Имперіи, послѣ пораженія Коммуны и т. д.).

Аналогичная полоса теперь наступила и въ Россіи. По мѣрѣ того, какъ замирали отголоски великихъ дней свободы, хамъ снова сталъ выползать на арену. Не тотъ хамъ, пришествія котораго страшились господинъ Мережковскій и иже съ нимъ. Нѣтъ, демократическій „хамъ“, грозный Калибанъ, какъ

*) Обращаемъ на это вниманіе г-на Каменскаго. Что бы ему провести свою Леду нагишомъ по Невскому! Какая бы это была забористая тема, какая литургія красоты! Вотъ развѣ только полиція не позволитъ, и послѣдняя пара авторскихъ штановъ пострадаетъ.

кошмаръ тяготѣющій надъ воображеніемъ всяческихъ „аристократовъ духа“, не только не угрожаетъ культурѣ и всему, что есть въ ней цѣннаго и прекраснаго, а напротивъ, является вѣрнѣйшимъ ея охранителямъ. Когда этотъ „хамъ“ въ 1871 году на время захватилъ въ свои руки Парижъ, мазурики и публичныя женщины, до того кишѣвшіе въ столицѣ міра, сразу изчезли оттуда, какъ будто бы ихъ вымело метлой; впервые на улицахъ Парижа, не охраняемаго полиціей, можно было проходить, не подвергаясь опасности и риску наткнуться на какую нибудь мерзкую сцену; вся шваль и накипь большого города убрались въ Версаль вслѣдъ за защитниками „цивилизаціи и порядка“. Нѣтъ, не этотъ хамъ, напротивъ, снова загнанный въ подполье, опоганилъ русскую жизнь въ настоящее время, а хамъ доподлинный, развинченный неврастеникъ, испорченный до мозга костей мѣщанинъ или зубръ, цѣнящій въ культурѣ только „приличные“ дома терпимости и maisons de rendez-vous (которымъ въ Москвѣ, кажется, покровительствовалъ ген. Рейнботъ), а изъ даровъ цивилизаціи признающій только шампанское, трюфели и усовершенствованные презервативы, хамъ, убивающій свободу и растлѣвающій малолѣтнихъ дѣвочекъ, а еще выше ставящій хорошенькихъ мальчиковъ, хамъ, настроенный мистически и, конечно, „идеалистически“, отвергающій „грубый матеріализмъ“ и всѣ лжеученія его, хамъ, плодящій гадалокъ, хиромантовъ, кудесниковъ и устраивающій аѳинскіе вечера, хамъ, непрестанно вожделѣющій и „всегда влюбленный въ женщину“, въ das ewig weibliche, хамъ, устраивающій подъ музыку тапера котильоны съ проститутками и за деньги заставляющій этихъ несчастныхъ практиковать при себѣ противуестественные пороки. И этотъ хамъ создалъ свою литературу. „Къ чорту гражданскіе

мотивы и да здравствуетъ эросъ, да здравствуетъ стихійность, да здравствуетъ Венера и Діонисъ!“

Въ прежнее время командующее хамство довольствовалось специфической „литературой“ à la Барковъ, рукописными поэмами, которыя передавались изъ рукъ въ руки, особенно въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ которыхъ довольно безграмотными виршами воспѣвалось веселое времяпровожденіе будущихъ государственныхъ младенцевъ, ихъ амурныя похожденія съ горничными и главнымъ образомъ педерастія (къ ней герои казармы и конюшни питаютъ, очевидно, особенную слабость). Но съ этой мерзостью не лѣзли въ настоящую литературу; это сторона „аристократической“ реабилитаціи плоти скрывалась подобно секретной болѣзни. И только русскому модернизму принадлежитъ высокая честь внесенія этого элемента въ литературное творчество, въ литературные салоны и журналы. Какъ парадоксально ни звучитъ это утвержденіе, но декаденты доставили право гражданства въ русской литературѣ самой дикой порнографіи, отъ которой покраснѣли бы обезьяны. А нынѣ моральное разложеніе послѣ-революціоннаго періода, мода и интенсивный рыночный спросъ сдѣлали то, что къ хору торжествующей свиньи присоединили свой голосъ и писатели, недавно еще считавшіеся представителями „идейной беллетристики“ и—что курьезнѣе всего—продолжающіе считаться таковыми и донынѣ. Подобно кругамъ, расходящимся по водѣ отъ брошеннаго въ нее камня, моральная зараза безвременья распространяется съ каждымъ днемъ все шире, захватывая все новые элементы.

Кто только такъ или иначе не отдалъ дань новому идолу порнографіи? Кто такъ или иначе не устоялъ передъ соблазномъ переложить учебники по половой психопатіи на языкъ изящной

литературы на потѣху рыгающей и гогочущей толпы? Кто удержался отъ экскурсій въ область истерической эротоманіи и не принималъ никакого участія въ созданіи новаго жанра „идейной эротики“? Если оставить въ сторонѣ такихъ почтенныхъ и старыхъ писателей, какъ Елпатьевскій и Короленко, противъ которыхъ всесильная мода оказалась безсильной, то среди представителей молодой литературы мы сможемъ назвать не очень много именъ, незапятнанныхъ въ этомъ отношеніи. А сколько найдется такихъ, которые поспѣшили слиться съ записными декадентами въ общій порнографическій блокъ!

Рынокъ же поглощалъ эту литературу въ огромномъ количествѣ. Съ одной стороны, на огорошеннаго обывателя неслась мутная волна разныхъ „психологическихъ“ и психопатическихъ издательствъ, „Тайнъ Жизни“, Міровыхъ Тайнъ“, Тайнъ Любви“, проституціи въ древности, проституціи въ средніе вѣка, проституціи въ новое время, проституціи безотносительно ко времени и пространству, половыхъ извращеній, мазохизма, садизма, уранизма и прочихъ „измовъ“ новаго времени, однимъ словомъ—порнографіи чистой, неприкрашенной; при этомъ, конечно, специфическій букетъ этой эротоманской литературы сдабривался надлежащей дозой чертовщины, черной магіи, спиритизма, вызыванія духовъ, рекламъ съ вытаращенными глазами „Силы внутри насъ“, рецептовъ противъ мужскаго безсилья и т. п. Съ другой стороны, пошатнулись переборки, отдѣлявшія специфическую порнографію отъ идейной, культъ пьянаго и дряблаго тѣла сифилитика отъ культа здоровой, красивой, жизнерадостной плоти, отъ культа Діониса, и все смѣшалось въ дикой, безшабашной вакхической пляскѣ. Декаденты продолжали въ сущности гнуть свою старую линію, но теперь къ ихъ сонму сопричастились и недавно еще чистые

элементы. Г-жа Зиновьева-Аннибалъ спаривала двухъ дѣвицъ (изъ нихъ одна, игравшая роль мужа, имѣла „безусловные глаза“), г-нъ Кузминъ спаривалъ двухъ пріятелей (впослѣдствіи роль жены у него исполняла уже просто шапка), г-нъ Арцыбашевъ замахнулся было сочетать брата съ сестрой, но почему-то не рѣшился пойти до конца, зато г-нъ Сологубъ оказался куда какъ рѣшительнѣе и въ драмѣ „Любви“ сопрягъ отца съ дочерью. Въ послѣднемъ своемъ романѣ „Навьи Чары“ г-нъ Сологубъ пошелъ еще дальше и, подражая психопату-мистику Гюисмансу, ударился въ чистѣйшее чертобѣсіе *). Герой его романа, бывшій доцентъ Триродовъ, не только имѣетъ довольно двусмысленное отношеніе къ садизму, мазохизму, не только занимается блудомъ съ рыжеволосой учительницей, къ которой онъ совершенно холоденъ, но и практикуетъ форменную магію: въ прошломъ у него имѣется какая-то темная исторія съ закопаннымъ живьемъ мальчикомъ и вообще съ какимъ-то

*) Кстати. Въ декабрьской книжкѣ „Современнаго Міра“ за 1907 годъ напечатана статейка г. А. Грессера о Гюисмансѣ. Излагая содержаніе романа „Là-bas“, (о которомъ мы говорили въ главѣ I), „этой лучшей изъ книгъ Гюисманса“, г. А. Грессеръ до того увлекся „ужасами“ чернокнижія и чертовщины, что въ серьезъ пишетъ: „И дѣйствительно, начинаешь вѣрить, что у этихъ фанатиковъ-сатанистовъ есть какая-то неизвѣстная сила внушенія или магнетизма, иначе чѣмъ же объяснить сношенія на разстояніи при помощи суккубовъ, т. е. духовъ, въ которыхъ можетъ воплотиться любой изъ посвященныхъ? (Положимъ, г. Грессеръ, суккубъ означаетъ вовсе не то, что вы говорите). Какъ понять эти грозные заочные смертные приговоры, приносящіе медленную мучительную смерть отъ непонятной болѣзни намѣченнымъ жертвамъ? Мрачный покровъ неразгаданной таинственности окутываетъ эти необъяснимыя явленія, съ которыми знакомитъ насъ авторъ „Là-bas“.—Г-нъ Грессеръ „вѣритъ“ во всю эту чепуху, но сомнительно, чтобы прогрессивный журналъ раздѣлялъ эту вѣру.

убійствомъ, въ настоящемъ—онъ держитъ у себя на столѣ какія-то таинственныя призмы изъ какого-то страннаго матеріала, обладающія мистической силой; въ его домѣ, построенномъ самымъ таинственнымъ образомъ, съ подземными ходами и прочими ужасами, имѣется какая-то круглая комната съ согнутымъ поломъ и неправильнымъ потолкомъ, а въ этой комнатѣ виситъ особое зеркало, которое обладаетъ чудесной способностью превращать молодое лицо въ старческое и наоборотъ; вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ, такимъ же ненормальнымъ, какъ и онъ самъ, странный папаша отправляется ночью на кладбище бесѣдовать съ душами умершихъ, которые при этомъ услужливо встаютъ изъ могилъ; при себѣ этотъ психопатъ держитъ какихъ-то „тихихъ мальчиковъ", вѣроятно, отсталыхъ дѣтей или идіотовъ (авторъ для пущаго страха обо всемъ говоритъ туманными намеками), которые помогаютъ ему сноситься съ загробнымъ міромъ, и т. д., и т. п. Все это чернымъ по бѣлому напечатано въ третьемъ Альманахѣ „Шиповника", издательства, также представляющаго „знаменіе времени".

Конечно, читатель былъ бы вправѣ посмѣяться надъ страннымъ авторомъ и брезгливо пройти мимо его эротомано-мистическаго бреда. Но дѣло осложняется, если принять во вниманіе, что подъ одной обложкой съ сологубовской чертовщиной помѣщаютъ свои произведенія Андреевъ *), Бунинъ, Зайцевъ, Куп-

*) Впрочемъ, это еще отчасти понятно, такъ какъ Андреевъ и самъ сплошь и рядомъ обнаруживалъ непреодолимое „влеченье, родъ недуга" къ таинственно-мистическому и кошмарно-ужасному, да и „Тьма" его, помѣщенная вмѣстѣ съ романомъ г-на Сологуба, представляетъ нѣчто въ высшей степени сумбурное и нелѣпое, какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

ринъ, Серафимовичъ, что критика до сихъ поръ по существу не выступила противъ этой уродливости въ литературѣ и не указала на внутреннюю связь между эротическимъ помѣшательствомъ и мистическимъ чертобѣсіемъ, и наконецъ,—самое главное,—что г-нъ Сологубъ позволилъ себѣ связать всѣ эти мистико-эротическія мерзости съ святымъ для насъ именемъ соціалъ-демократіи. Декадентская банда, въ ней же волхвъ Триродовъ является чѣмъ-то вродѣ философа и коновода, по волѣ автора тѣсно связана съ дѣятельностью мѣстнаго комитета Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, и гнусности этого господина и присныхъ его какъ бы покрываются багровыми складками с.-д. знамени.

Вотъ противъ чего мы должны выступить самымъ рѣзкимъ образомъ, вотъ чему мы должны разъ навсегда положить конецъ, дабы господамъ и дамамъ, желающимъ со своей реабилитаціей плоти и гаданіями на кофейной гущѣ присосѣдиться къ великому освободительному движенію трудящихся, впредь не повадно было шалить въ этомъ направленіи. Что этимъ господамъ Гекуба, и что они ей? Всуе упоминаютъ они великія имена и призываютъ неотмщенныя тѣни, лишь для того, чтобы придать побольше пикантности своимъ психопатическимъ повѣствованіямъ. Г-нъ Сологубъ разсказываетъ о с.-д. массовкахъ и о столкновеніи съ казаками, выводитъ рабочихъ и интеллигентовъ, творящихъ новую жизнь, только для того, чтобы придать побольше остроты любовнымъ и чародѣйскимъ дѣламъ Триродова и рыжеволосой „длинной бѣлой змѣи“ Алкиной и обставить извѣстнымъ прянымъ антуражемъ, окружить багрянымъ сіяніемъ восходящей зари освобожденія предстоящее, повидимому, „паденіе“ „товарища“ Елисаветы. Такъ и вспоминаются слова мужика, сказанныя

у Г. Успенскаго, по поводу медоточиваго батюшки, согрѣшившаго подъ самый великій постъ: „абіе, братіе, абіе, а между прочимъ—бабіе!“

Здѣсь повторяется старая исторія, только въ новой, болѣе современной формѣ. Декаденты всегда любили рядиться въ чужія перья и примазываться къ тому направленію, которое въ данный моментъ, казалось, сравнительно популярнымъ и моднымъ. Но при этомъ они всегда оставались по существу реакціонерами. Прежде они горделиво рядились въ мантію идеализма *), выступали съ нелѣпыми претензіями по адресу положительной науки, отъ которой они требовали чуть ли не воскрешенія мертвыхъ, и разыгрывали изъ себя „аристократовъ духа“. Но какъ мы показали выше, этотъ протестъ былъ по существу просто реакціей людей, въ значительной степени зараженныхъ психологіей вымирающихъ классовъ, противъ буржуазнаго либерализма и демократическаго засилья. Нетрудно догадаться, какъ декаденты съ ихъ необузданнымъ культомъ личности, съ ихъ верховнымъ презрѣніемъ къ „грубому матеріализму“ массъ, съ ихъ умственной и моральной извращенностью должны были отнестись къ пролетарской солидарности, къ соціализму и къ неизбѣжной побѣдѣ рабочаго класса, которую они „чуяли смущенной душой“ и въ которой

---

*) Подъ этимъ же „идеалистическимъ“ знаменемъ въ свое время выступали съ большимъ трескомъ господа „бывшіе марксисты“, Бердяевъ, Струве, Булгаковъ и подобные имъ „духовные аристократы“, пока непосвященный міръ не убѣдился, что подъ пышной мантіей „духовной аристократіи“, горделиво убѣжденной, что она „возвышается надъ всякою общественно-классовою и групповою нравственностью“, и что „безъ нея наступило бы царство застоя и стадности“ (г-нъ Бердяевъ въ „Проблемахъ идеализма“), скрываются самые вульгарные кадеты и мирнообновленцы.

они готовы были усмотрѣть грядущее торжество „хама“, угрожающаго тепличнымъ цвѣткамъ ихъ модернистской культуры. Отвѣчая на вопросъ редакціи декадентскаго журнала „Эрмитажъ“, организовавшаго въ 1893 г. анкету относительно идеальнаго съ точки зрѣнія художниковъ общественнаго строя, французъ Гюгъ Ребель, „собиравшійся,—по словамъ его біографа, —выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ бельгійскихъ и англійскихъ рабочихъ-соціалистовъ, но къ счастью, благодаря своей врожденной нерѣшительности, удовольствовавшійся отдыхомъ отъ столькихъ волненій въ гротѣ Позилиппо, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ вызывать гигантскія грезы оргіастической наготы и бурныхъ вакханалій“,—такъ вотъ этотъ поэтъ отвѣтилъ: „Соціалистическій строй, къ которому устремляются нынѣ взоры толпы, осуществитъ, подъ лицемѣрнымъ знаменемъ свободы, самую страшную изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ тираній: слѣпую тиранію машины, которая не разсуждаетъ и измалываетъ личность прежде, чѣмъ она успѣетъ крикнуть. Съ другой стороны, неограниченная свобода имѣла бы слѣдствіемъ власть черни, то есть подавленіе разумныхъ большинствомъ, и, во имя общаго блага, крушеніе всякой жизни, посвященной красотѣ. Поэтому *художникъ предпочтетъ деспотизмъ одного человѣка или аристократіи*. Произволъ такого рода абсолютныхъ правительствъ можетъ стать справедливостью, если освободитъ исключительныхъ людей отъ законовъ, писанныхъ для стада“.

Мы не станемъ приводить другихъ цитатъ *) въ подтвер-

*) Впрочемъ, не можемъ удержаться еще отъ одной выдержки. „Я утверждаю,—пишетъ пылкій и лѣнивый испанецъ Костинейра изъ Кордовы,—что организація, созданная подъ вліяніемъ идей Маркса и его

жденіе нашей мысли: и вышеприведенная цитата достаточно характерна. Соціальная реакціонность модернизма ясна изъ всего предшествующаго изложенія. Выразители настроенія разложенія и смерти, идеологи вымирающихъ и отживших общественныхъ слоевъ, представители извращенной и упадочной психологіи, декаденты органически не въ состояніи были понять всей красоты, всей эстетичности массовыхъ движеній, демократической эволюціи, психологіи самопожертвованія личности въ интересахъ рода или класса, теоріи и практики пролетарской организаціи и солидарности. Если они иногда и примыкали на словахъ къ идеологіи протеста, то выражали свои симпатіи анархіи, этой въ сущности идеальной для „артистовъ“ формы общежитія. „Нѣкогда,—сообщалъ во время анкеты „Эрмитажа“ небезызвѣстный Оскаръ Уайльдъ,—нѣкогда я былъ поэтомъ и тираномъ. Теперь я артистъ и анархистъ“. Къ анархизму же склонялись многіе французскіе писатели, цѣликомъ или отчасти примыкавшіе къ модернизму; изъ болѣе извѣстныхъ русскимъ читателямъ назовемъ Октава Мирбо и Лорана Тайяда (впрочемъ, какъ мы видѣли, послѣдній скоро отрекся отъ декадентства и заявилъ, что своими благоглупостями онъ просто морочилъ или „мистифицировалъ“ слабоумныхъ юнцовъ-декадентовъ). Аналогичная комедія повторилась и въ Россіи, гдѣ декаденты во многихъ случаяхъ *)

послѣдователей, организація въ нѣмецкомъ духѣ можетъ служить для всякаго истиннаго поэта только предметомъ отвращенія и ненависти. При настоящемъ порядкѣ всѣ мы немножко каторжники, но, по крайней мѣрѣ, каторжники, имѣющіе право на лѣность“. Декадентское примѣненіе идей, высказанныхъ въ сатирической брошюрѣ Лафарга!

*) Кого-кого здѣсь только нѣтъ! Бердяевъ, Городецкій, Вяч. Ивановъ, Мережковскій, Чулковъ, Шестовъ, Блокъ. Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана!

поспѣшили провозгласить себя анархистами, правда въ своеобразной и безопасной формѣ „мистическаго анархизма“ (см. сборники „Факелы“). Но сильно ошибся бы тотъ, кто принялъ бы въ серьезъ легкомысленныя бравады литературныхъ „цимбалистовъ“. Анархизмъ этихъ господъ ничего общаго не имѣетъ съ подлиннымъ анархизмомъ озлобленныхъ ремесленниковъ или рабочихъ, часто прорывающимся въ кровавыхъ протестахъ и эксцессахъ,—ничего общаго, кромѣ ненависти къ организованному соціалистическому движенію, дѣйствительно подготовляющему наступленіе новаго общественнаго строя. Этотъ салонный анархизмъ неврастеническихъ болтуновъ представляетъ просто особый видъ гастрономіи, барскаго баловства недисциплинированныхъ и безпринципныхъ умовъ. Онъ чрезвычайно удобенъ для тѣхъ людей, которые пытаются громкими, но безсодержательными фразами оправдать свой политическій индифферентизмъ или свое отвращеніе къ освободительной борьбѣ рабочаго класса, которые органически не выносятъ никакой дисциплины, никакой планомѣрности, никакой сдержки, никакой регламентаціи, а на первый планъ ставятъ свободу отъ общественныхъ обязанностей, отъ соціальной солидарности. Не активностью, не широтой натуры, не полнотой индивидуальности вѣетъ отъ такого игрушечнаго анархизма, а тлѣномъ, смертью, разложеніемъ и мерзостью запустѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, пусть господа мистики и декаденты открыто примыкаютъ къ реакціонерамъ, къ идеологамъ отжившаго режима, къ ярымъ противникамъ соціалистическаго пролетаріата—тамъ имъ честь и мѣсто; пусть они, наконецъ, играютъ въ анархическія бирюльки и пугаютъ глупыхъ филистеровъ, имѣющихъ наивность повѣрить ихъ „жалкимъ сло-

вамъ“, — и въ этой роли салонныхъ enfant terrible'ей они болѣе или менѣе на своемъ мѣстѣ. Но пусть они оставятъ въ покоѣ соціалдемократію, пусть не примазываются со своей эстетикой распада и философіей разложенія, со своими виршами и нелѣпой чертовщиной къ святому дѣлу всечеловѣческаго освобожденія, которое и по своимъ цѣлямъ, и по своей философіи, и по своему настроенію ничего общаго не имѣетъ съ этими бродячими призраками историческаго прошлаго. И пусть, наконецъ, прозвучитъ громкій крикъ гальскаго пѣтуха, который разгонитъ эти привидѣнія, заражающія воздухъ противнымъ запахомъ больницы и могильнаго тлѣна!

